

ФАНТОМ

НА КУРЬОХ

НОЖКАХ

Слюдо сильнее смерти

Виола Джексон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Viola Jackson

Филолог на курьих ножках

<https://litres.ru/74432714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жила-была Лика. 19 лет, филолог-славист, два года до диплома на тему «Древнерусский склад ума», хронический недосып и привычка спорить с научруком.

А ещё она умерла. Ну, почти. Проснулась в грязевой ванне у упырей, была спасена мрачным незнакомцем с идеальной скулой и мерзким характером, а потом выяснила, что:

1. Магия здесь работает через глаголы, которые она учила как мёртвые.

2. Мрачный незнакомец - Кощей. Да, тот самый. Бессмертный, уставший и очень хочет её прибить.

3. Баба Яга - не старуха, а молодая ведунья, которая пьёт настойку из поганок и смотрит, как Кощей мучается с «этой вашей филологиней».

4. Морок наслал проклятье лжи. Теперь все врут. Даже деревья. А Кощею ложь режет по живому.

Чтобы всех спасти, Лике нужно вспомнить древний глагол-противоядие. Проблема: он звучит как неприличная частушка. И произнести его надо с каменным лицом.

О, и последнее: она случайно спросила у Яги, шипперят ли их с Кощеем местные. Сейчас, кажется, её убьют оба.

Содержание

Глава 1. Глагол «жить» в прошедшем времени	5
Глава 2. Спор с научруком до третьего часа ночи	43
Глава 3. Сон, где пахло болотом	72
Глава 4. Портал в библиотеке имени Ленина	94
Глава 5. Проснись в болоте (Или как я охренела от жизни)	137
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Viola Jackson

Филолог на курьих ножках

Глава 1. Глагол «жить» в прошедшем времени

Я, кажется, начинаю ненавидеть древнерусский. Не сам язык. Он прекрасен. В нём есть какая-то первобытная честность, когда слово ещё не научилось врать. «Голос» — от «голый», потому что звук идёт из пустого рта. «Правда» — от «прави», мира богов, то есть истина — это то, что по ту сторону. Красиво, чёрт возьми. Но сейчас, в полдевятого утра, после третьей бессонной ночи подряд, когда твой научный руководитель — профессор Серафим Всеславович — смотрит на твою курсовую так, будто ты в ней перевела «Слово о полку Игореве» через гугл-транслейт, — в такие моменты я готова сжечь все берестяные грамоты к лешему.

— Анжелика, — голос Серафима Всеславовича пробивается сквозь мою внутреннюю агонию. Спокойный, маслянистый, как святой елей. От него всегда пахнет библиотечной пылью и почему-то укропом. — Вы всерьёз полагаете,

что реконструкция ментальности по глагольным формам — это... как вы выразились?

— Достаточный, — поправляю я, потому что я дура и не умею вовремя закрывать рот. — Я полагаю, что это достаточный метод. Наши предки не различали действие и намерение. Глагол был не просто словом, он был поступком. «Реши» — значило не просто «сказать», а «рассечь реальность». Поэтому заклинания и работали. Я не филолог, я...

— Вы второкурсница, — мягко перебивает он. — Которая проспала лекцию по старославянской фонетике.

— Я её не проспала. У меня была мигрень.

— Ах да. Мигрень. Которая случается ровно перед моими семинарами.

Мы смотрим друг на друга. Ему шестьдесят три, он пережил трёх деканов, две реформы образования и одного аспиранта, который защитился по теме «Библейские образы в творчестве группы «Сектор Газа»». Меня на его фоне не пронять.

— Варламова, — говорит он, снимая очки. — Вы умная девушка. Эрудированная, с комплексом отличницы. Я это

ценю. Но ваш «древнерусский склад ума» — это не наука. Это литература. Вы не лингвист, вы поэт.

— А разница?

— Лингвист знает правила. Поэт их нарушает.

На этом месте я понимаю, что спор проигран. Потому что он прав, чёрт возьми. Серафим Всеславович не зря получает свою профессорскую зарплату.

— Я переделаю, — говорю я, хотя внутри всё кипит. — Я... пересмотрю методологию.

— Сделайте это до пятницы. А сейчас идите. У вас, кажется, ещё биофизика на потоке.

Я иду. Иду по коридору первого гуманитарного корпуса МГУ. Стены помнят имена, которые я заучивала наизусть. Потапова, Виноградова, Шахматова. Я чувствую себя маленькой, злой и невероятно живой. Наверное, это и есть филфак: вечно доказывать, что ты что-то значишь, в здании, где половина преподавателей — живые классики, а вторая половина — классики, которые просто ещё не умерли. На выходе меня тормозит Дима.

Дима — отдельная песня. Точнее, отдельная причина моих бессонниц, но не в том смысле, который можно подумать.

— Ли́ка, — он выныривает из дверей биофака, лохматый, с рюкзаком, из которого торчит трубочка для колбы, и улыбается так, будто жизнь — это сплошное удовольствие. — Ты снова спорила с Серафимом?

— Откуда...

— Ты красная. И волосы растрёпаны. Ты всегда их трёшь, когда злишься.

Дима — лучший друг, и это странная история. Потому что два года назад его старший брат, Стас, встречался со мной ровно четыре месяца. Красивых, бурных и совершенно безумных. Стас играл на барабанах, курил в подъезде и говорил, что я «слишком много думаю». Потом он ушёл к девушке с экономического, у которой мозгов ровно настолько, чтобы отличать дебет от кредита, но зато она умела молчать. Я осталась с его младшим братом. Потому что Дима, в отличие от Стаса, умеет слушать. Не делает вид — реально слушает. Когда я начинаю нести про перформативность древнерусских заклинаний, он кивает и задаёт вопросы. Не тупые, не дежурные. Настоящие. Говорят, нельзя дружить с бывшими родственниками. Но, во-первых, Стас не бывший

родственник, а бывший парень. Во-вторых, Дима — лучшее, что я получила от тех отношений. Если честно, единственное хорошее.

— Он сказал, что я поэт, — жалею я, пока мы выходим на улицу. Солнце слепит. Москва в апреле — это грязный снег, первые цветы у метро и запах бензина. И это тоже прекрасно по-своему. — Прикинь? Поэт! В филологии!

— А ты обиделась?

— Конечно!

— А зря, — Дима хлопает меня по плечу. — Поэты — те, кто чувствуют язык. Лингвисты — те, кто его препарируют. Ты же хочешь не вскрывать, ты хочешь оживить.

Я замираю.

— Ты это серьёзно?

— Абсолютно. Твой «древнерусский склад ума» — это не про глагольные формы, Лика. Это про то, чтобы понять, как они думали. Не слова — мышление. Это круче любой диссертации.

Я смотрю на него. На его дурацкие кеды, на веснушки (у него веснушки, представляете? В двадцать лет!), на то, как он сощурился на солнце. И думаю: вот почему я не влюбляюсь в него. Почему любовь обходит нас стороной.

А потом перестаю думать, потому что это опасная тема.

— Ладно, — говорю я. — Пойдём на набережную. Я за-
служила.

Мы идём. Спускаемся к Москве-реке, туда, где видно универ, и где ветер такой, что волосы лезут в рот. Дима покупает две пахлавы и кофе в ближайшем ларьке. Я жую и смотрю на воду. Вода в апреле — серая, тяжёлая, неспешная. Течёт, будто знает что-то, чего не знаем мы. Звонит телефон. Света. Я беру трубку, и динамик взрывается:

— ВАРЛАМОВА! ТЫ ГДЕ?!

Света — это отдельный вид вселенской несправедливости. Учится на журфаке, но выглядит так, будто сошла с обложки Vogue. Длинные ноги, идеальный макияж и способность одновременно писать статью, пить пиво и сплетничать о преподах. При этом она единственный человек, который видел меня в истерике после защиты курсовой на первом курсе и не сбежал.

— На набережной, — говорю я, отодвигая телефон от уха.
— С Димой.

— Опять вы вдвоём? Когда вы уже перестанете изображать платоническую любовь и просто...

— Света, — перебиваю я. — Тема закрыта.

— Трусиха, — вздыхает она. — Ладно. Я через десять минут подойду. У меня есть новости.

— Какие?

— Страшные. Твой Серафим выложил список тем для диплома. Твоя там есть.

У меня падает пахлава.

— В смысле? Мы только на втором курсе.

— Он говорит, что хочет «вырастить себе аспирантку». Я цитирую. Не ссы, ты же у нас вундеркинд. Короче, ждите.

Она бросает трубку.

Я смотрю на телефон, потом на Диму. Дима смотрит на реку.

— Она сказала «страшные новости»?

— Она всегда так говорит, — отмахиваюсь я, хотя сердце колотится. Глупое, предательское сердце. Диплом на втором курсе — это не про почёт, это про бессонные ночи и про то, что Серафим Всеславович будет дышать мне в спину целых три года.

— Дима, — говорю я. — Ты веришь в магию слов?

Он хмыкает.

— А ты?

— Я филолог, — отвечаю я с полной серьёзностью. — Я в неё обязана верить.

Он смеётся. Я смеюсь. А потом приходит Света, и начинается обсуждение диплома, и кофе стынет, и жизнь кажется такой простой и понятной. И что слово может не просто описывать реальность, а резать её, кромсать, убивать и воскрешать. Если бы я знала, что мой «древнерусский склад ума» — это не блажь, а приговор. Я бы всё равно не перестала

спорить с Серафимом. Ни за что. Но сейчас я просто сижу на набережной, жую пахлаву и слушаю, как Света рассказывает про декана журфака, который на днях застукал студентов за распитием. Дима ржёт. Я тоже. Солнце опускается за универ. В конце концов, я филолог. А филологи не верят в сказки. Они их читают в оригинале.

Света приходит с двумя пачками чипсов и видом человека, который знает то, чего не знаете вы, и очень хочет этим насладиться.

— Ну? — я выпрямляюсь на парапете, потому что ноги затекли. — Какие новости?

Она садится между мной и Димой, грациозно, как кошка, которая снизошла до вашего дивана. Света вообще любое действие превращает в маленькое представление. Даже чипсы открывает театрально — с хрустом, с выдохом, с таким видом, будто сейчас достанет оттуда бриллиант.

— Тема твоего диплома, — говорит она, протягивая мне телефон. На экране — скриншот из какой-то преподавательской беседы. — «Глаголы бытия в древнерусских заклинательных текстах: семантика и прагматика». Ну как?

Я читаю. Перечитываю. Перечитываю ещё раз.

— Это... — начинаю я.

— Это пиздец, — заканчивает Света.

— Это гениально, — поправляю я.

Димка заглядывает мне через плечо. Он ничего не понимает в этой филологической чертовщине, но кивает с умным видом. За это я его и люблю.

— Объясните для биологов, — просит он.

— Понимаешь, — я верчу телефон в руках, подбирая слова. — Большинство заклинаний — это императивы. «Изыди», «сгинь», «растворися». Приказы. А бытийные глаголы — «быть», «жить», «существовать» — это не про действие. Это про... состояние. Про то, чтобы зафиксировать реальность. И если я смогу доказать, что они работали как якоря...

— Якоря? — переспрашивает Дима.

— Ну да. Ты произносишь «буди», и мир замирает в этом «будь». Понимаешь? Это не магия изменения. Это магия удержания. Ты не создаёшь что-то новое, ты говоришь вселенной: «стой, не двигайся, вот так правильно».

— Боже, как скучно, — Света закатывает глаза. — Ты серьёзно собираешься писать об этом сто страниц?

— Двести, — поправляю я.

— Двести страниц про слово «быть»?

— Про то, как слово «быть» удерживало мир от распада, да. И это безумно интересно, просто у вас, у журналистов, нет воображения.

— Обижаешь, — Света кидает в меня чипсиной. — У нас воображения — вагон. Просто мы его тратим не на мёртвые языки, а на то, чтобы придумать, как бы правду покрасивее соврать.

— В этом разница, — улыбаюсь я. — Вы врёте словами. А древние верили, что слова — это и есть правда. Сказал — сделалось.

— И что, прям работало? — Дима жуёт чипсы, причём так медленно, будто дегустирует. У него даже чипсо-едение выглядит как научный эксперимент. — Ну, эти ваши заклинания?

— Не знаю, — честно признаюсь я. — Но мне нравится

думать, что да. Что когда-то, очень давно, человек мог сказать «живи» — и кто-то действительно оживал.

Повисает пауза. Москва-река течёт мимо. Где-то сигналиит такси. На той стороне какая-то девушка кормит голубей, а они налетели, серые, жирные, наглые, как будто это им положено по праву.

— Ты странная, Варламова, — заключает Света беззлобно. — Ладно. Ещё новости. Наша общая знакомая, которая учится на истфаке, передавала привет.

— Кто?

— Тася. Ну, ты знаешь. Которая дружит с бывшей твоего бывшего.

Я напрягаюсь. Это сложная формула. У меня от неё голова болит.

— Она что-то сказала?

— Сказала, что Стас её спрашивал, как ты. — Света смотрит на меня испытующе. — Вроде как скучает.

Димка рядом со мной внезапно становится очень интерес-

ным вид из окна — то есть из реки. Он начинает изучать чайку на противоположном берегу с такой сосредоточенностью, будто это новый вид бактерий.

— И что ты ответила? — спрашиваю я осторожно.

— Я ответила, что ты процветаешь, выглядишь сногсшибательно и встречаешься с итальянским графом.

— НЕТ У МЕНЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ГРАФА!

— А он не знает, — пожимает плечами Света. — Пусть поволнуется.

— Света, ты неисправима.

— Знаю. Поэтому ты меня и любишь.

Она права. Чёрт бы её побрал. Света — единственный человек, который способен на полном серьёзе устроить психологическую операцию против моего бывшего, просто потому что ей скучно. У неё нет зла, у неё есть чувство справедливости. И чувство драмы. И чувство прекрасного, которое подсказывает ей, что я достойна лучшего, чем барабанщик с его вечными «ты слишком много думаешь».

Стас был красивым. Я это признаю. Высокий, руки в та-туировках, улыбка, от которой у меня подкашивались колени. Но когда я пыталась рассказать ему про индоевропейские корни, он честно пытался слушать, а потом говорил: «Лик, ну ты и загоняешься». Как будто думать — это болезнь, а не главное, что я умею.

— Слушайте, — я встаю с парапета, отряхиваю джинсы.
— Давайте сменим тему. Я хочу есть.

— Ты всегда хочешь есть, — говорит Дима, тоже поднимаясь.

— Я растущий организм.

— Тебе девятнадцать.

— А мозг растёт до двадцати пяти, — парирую я. — И мне нужно много калорий для филологических открытий.

Мы идём вдоль набережной. Солнце уже почти село, и Москва зажигает свои вечные огни — фонари, вывески, окна. Город никогда не спит, но в апреле он особенно живой. Пахнет сыростью, первой зеленью и жареными семечками у метро.

— Лика, — Дима вдруг останавливается. — А ты правда веришь, что слова могут что-то менять?

Я смотрю на него. На его веснушки, на тень от ресниц, на то, как он смотрит на меня — серьёзно, без обычной своей улыбки.

— Верю, — говорю я. — Иначе зачем всё это? Зачем университет, зачем книги, зачем мы тут? Мы же не просто воздух сотрясаем. Мы... я не знаю... мы именуем мир. А названное — существует. Ты понял?

— Не очень, — признаётся он.

— Когда я говорю «дерево», ты видишь дерево. Не звук, не буквы — образ. А если я скажу «сказочное дерево, на котором растут монеты»?

— Вижу дурацкое дерево с монетами.

— Вот. Я создала это дерево. Только что. В твоей голове. А если бы я была древним человеком и верила в слова всем сердцем — оно выросло бы и взаправду.

Дима молчит.

— Ты пугаешь меня, Варламова, — говорит он наконец.

— Это у меня профессиональное.

Света закатывает глаза, но я вижу: она тоже задумалась. У неё лицо становится таким... сосредоточенным, что ли. Как будто она примеряет мою теорию на свои журналистские рельсы.

— Ладно, маги, — бросает она. — Пошли в ту шаурмичную, что за углом. Я угощаю.

— А почему это ты вдруг? — подозрительно щурюсь я.

— Потому что у меня стипендия пришла, а у тебя — нет, ты её профукала на спорах с Серафимом.

— Я не профукала, я её отложила... на переосмысление...

— То есть профукала, — резюмирует Дима.

Я замахиваюсь на него сумкой, но он ловко уворачивается.

Мы идём втроём по вечерней Москве, и я чувствую себя... счастливой? Наверное. Вязкое, тёплое чувство, которое

не хочется анализировать, потому что филолог в моей голове тут же начнёт раскладывать его на составляющие: эндорфины, дружба, весеннее обострение. Я запрещаю себе это делать. Пусть будет просто — счастье, сейчас мы заходим в шаурмичную, заказываем три огромных порции, и я с наслаждением вгрызаюсь в лаваш, пока Дима рассказывает про какую-то биологическую конференцию, а Света — про депутата, у которого она брала интервью и который оказался «таким козлом, что даже перо в диктофоне сломалось».

Я смеюсь. Я живу. Я дышу.

«Быть» — думаю я. — «Какой сложный глагол. Настоящее время: я есть, ты есть, он есть. Но только ли в этом? Может, настоящее время — это когда ты здесь, с теми, кто тебя понимает. Когда тебе не нужно ничего доказывать. Когда ты просто... существуешь».

Я доедаю шаурму, вытираю руки салфеткой и смотрю на друзей.

— Ребята, — говорю я. — А давайте загадаем желание?

— Зачем? — Дима удивлён.

— На удачу. Я за защиту диплода переживаю. А Света —

за то, чтобы её статью приняли. А ты... ну, ты загадай что-нибудь по-биологическому.

— Хорошо, — он закрывает глаза. — Загадал.

— Я тоже, — Света делает томное лицо и что-то шепчет в потолок.

Я закрываю глаза и формулирую. Чётко, как заклинание. Как древний глагол, который должен сработать.

«Пусть всё получится. Пусть я докажу Серафиму, что слова — это сила. Пусть... пусть я не зря выбрала этот путь».

— А теперь, — Света хлопает в ладоши, — идём пить пиво?

— Идём, — соглашаюсь я.

Потому что я молодая, глупая и уверена, что все мои беды решаются дипломом и хорошей компанией. Мы сидим на лавочке у метро, пьём пиво из пластиковых стаканчиков, и кто-то играет на гитаре неподалёку. Старая песня, что-то про «Москва, я люблю тебя». Голос у парня хриплый, не очень умелый, но искренний.

— Знаешь, — говорит вдруг Дима, поворачиваясь ко мне.
— Если ты пропадёшь, я буду тебя искать.

Я застываю с пивом у губ.

— Что?

— Ну, — он смущается. — Вдруг ты уедешь куда-нибудь в экспедицию по деревням или в археологическую какую. Ты же у нас авантюристка.

— Я не авантюристка, я —...

— филолог, всё объяснит, — заканчивают они хором. Света и Дима. Переглядываются. Улыбаются.

— Вы невыносимы, — говорю я.

— Зато мы тебя любим, — пожимает плечами Света.

Я отворачиваюсь, чтобы они не видели моих глаз. Потому что иногда даже филологу не хватает слов. Или, наоборот, их слишком много. Но какая разница, когда ты просто — есть. И этого достаточно. На сегодня. В общежитие я вернулась в половине одиннадцатого. Света ушла к себе на журфак, предварительно чмокнув меня в щёку и шепнув на ухо:

«Димка на тебя так смотрел, ты хоть видела?» Я сделала вид, что не расслышала. Дима проводил меня до дверей, сунул руки в карманы и сказал какое-то «ну, бывай» с таким видом, будто собирался добавить что-то важное, но передумал. Я не стала спрашивать. У меня и так голова шла кругом от всего — от диплома, от Серафима, от странного чувства, которое поселилось где-то под рёбрами.

Общага. Моя крепость. Комната на четверых, но реально нас двое: я и Катя с востоковедения. Остальные две девочки — призраки, появляются раз в неделю переночевать и исчезают в неизвестном направлении. Катя сейчас, судя по всему, на своей вечерней практике — она китаистка, и у них там какой-то адский интенсив. Так что я одна. Идеально. Я бросила рюкзак на стул, стащила джинсы — нафиг, нафиг — и забралась в кровать с ногами, завернувшись в одеяло как куколка. За окном шумело общежитское общежитие: где-то на этаже включили музыку на полную, кто-то спорил, кто-то смеялся. Пахло борщом из общей кухни и дешёвым стиральным порошком. Родные запахи. Запахи, которые обещают, что завтра будет как вчера, и это не пугает. Ноутбук загружался мучительно долго, потому что ему, как и мне, уже хотелось спать. Я пялилась на экран и жевала остывшую пахлаву, которую предусмотрительно прихватила с собой (Света называет это «филологическим НЗ», я предпочитаю термин «стратегический запас»). Экран засветился. Первым де-

лом — почта. Три новых письма. Одно от рассылки «Академкнига», второе от мамы («Анжелика, ты почему не звонишь неделю?» — мама всегда называет меня полным именем, когда сердится), третье...

Я замерла.

Отправитель: serafim.vseslavovich@phil.msu.ru

Тема: К вопросу о вашей теме

Рука сама собой потянулась мысленно с материться. Я кликнула.

Анжелика,

Сегодня на семинаре я был, возможно, излишне категоричен. Примите мои извинения. Ваша тема действительно имеет право на существование, если подойти к ней не с лингвистической, а с культурологической колокольни.

Прилагаю список литературы для начала работы. Особое внимание — монографии Успенского и Топорова (см. пункты 4 и 7). К пятнице жду от вас не переделку курсовой, а развёрнутый план диплома. Не подведите.

*С уважением,
С. В. Медведев*

План. К пятнице. Развёрнутый. У меня зачесались пальцы. Я почти написала ответ — что-то про «уважаемый Серафим Всеславович, вы же сами меня сегодня похоронили». Но в последний момент стёрла. Не потому что умная. Потому что лень потом оправдываться. Ладно. План так план.

Я открыла вордовский файл, который назывался гениально — «ДИПЛОМ_НЕ_ТРОГАТЬ_НАСТОЯЩИЙ.doc», и уставилась на пустую страницу.

Глаголы бытия в древнерусских заклинательных текстах. Как писать план, если я ещё сама не знаю, что хочу сказать? Я откинулась на подушку и уставилась в потолок. Трещина. Давняя, знакомая, похожая на карту какой-то неведомой страны. Я часто засыпала, разглядывая её. Она напоминала мне о том, что мир не идеален, и это нормально.

— Окей, — сказала я вслух, потому что разговор с самой собой — это не шизофрения, это метод структурирования мысли. — Глаголы бытия. Что мы знаем?

«Быти», «жити», «существовати», «пребывати». Семантика — наличие в реальности. Прагматика — как это рабо-

тало в тексте.

В заклинаниях обычно не говорят «будь здоров» в том смысле, в котором мы сейчас. Древние говорили «буди здрав». Не пожелание — констатация. Ты уже здоров. Я просто закрепляю это слово «буди». Ты будь в этом состоянии. Я села, подтянув колени к подбородку. А что, если... что, если бытийные глаголы были не инструментом изменения, а инструментом удержания? Ты не лечишь, ты фиксируешь выздоровление. Ты не воскрешаешь, ты говоришь «живи» тому, кто уже жив, но вот-вот уйдёт. Ты якорь. Ты клей. Ты — нервная система вселенной, которая кричит: «НЕ РАССЫПАЙСЯ». Чем дольше я думала, тем быстрее печатала.

Пальцы летали по клавиатуре, выстукивая пункты:

1. Введение. Проблематика: различие между императивными и бытийными заклинаниями.
2. Глагол «быти» в текстах берестяных грамот и заговорах.
3. Глагол «жити» как маркер жизненной силы.
4. Сравнительный анализ с балтийскими и славянскими параллелями.
5. Прагматический аспект: почему «буди» сильнее «стань».
6. Заключение. Ну и список литературы, куда ж без него.

Пошло. Наконец-то пошло.

Я печатала и чувствовала, как внутри разгорается тот самый огонь, ради которого я вообще пошла на филфак. Не ради оценок. Не ради диплома. Ради этого момента — когда слова складываются в смысл, когда ты ловишь мысль за хвост и прибиваешь её к бумаге, и она бьётся, живая, настоящая. Время перестало существовать. Было одиннадцать, потом двенадцать, потом чайник вскипел и остыл дважды, потом я налила третий и забыла про него. Пальцы замёрзли. Я натянула носки — дурацкие, с единорогами, подарок Светы на прошлый день рождения. Смешные и тёплые. К часу ночи у меня был почти готовый план. Рабочий, сырой, но живой. Я сохранила файл, сделала резервную копию на флешку и в облако — потому что потерять диплом за три дня до сдачи плана это не трагедия, это катастрофа, которую я не переживу. А потом я открыла браузер. Не знаю зачем. Может, чтобы проветрить голову. Может, потому что бессонница уже подбиралась к краю кровати, щупая меня своими липкими лапами. Я забила в поиск: древнерусские заклинания глаголы бытия. Стандартные ссылки. Научные статьи. Диссертации. Одна ветка на форуме, где какой-то неофит спрашивает «а можно ли реально заколдовать с помощью этих ваших слов». Я фыркнула. Ответ «колдуна-любителя» был полной чушью — смесь Петрова с Вассерманом и цитат из «Ведьмака». Но была ещё одна ссылка. В самом низу. Маленьким шрифтом,

на сером фоне, как будто поисковик сам стеснялся её показывать.

«Институт Слова. Лаборатория прикладной лингвистики. Москва, ул. Арбат, д. 13, кв. 9. Приём по предварительной записи».

Я нахмурилась. Странно. Я знаю все научные центры Москвы, связанные с древними языками. Этот — нет. Клик. Сайт открывался долго. Очень долго. Достаточно долго, чтобы я успела подумать: «интернет опять тормозит, МГУшный вайфай — это боль». Но потом страница загрузилась. Чёрный фон. Белые буквы. Никаких картинок. Текст вёрстался так, будто сайт делали в девяностые на голом энтузиазме. Лаборатория прикладной лингвистики «Глагол» Исследование перформативных свойств древних языков. Практическое применение мёртвых глаголов в современных условиях.

ВНИМАНИЕ: Лаборатория не является медицинским или психологическим учреждением. Результаты заклиательной практики не гарантированы. Администрация не несёт ответственности за временную потерю голоса, неконтролируемые изменения реальности и нежелательные вызовы сущностей.

Я засмеялась. Серьёзно? Это какой-то юмор? Фанатский проект? Сайт-пародия на эзотерику? Но что-то внутри меня — то самое, что заставляло спорить с Серафимом даже тогда, когда я была не права, — это что-то щёлкнуло. Я пролистала дальше.

Бытийные глаголы — особый класс заклинательной лексики. В отличие от императивов (повелительного наклонения), они не приказывают, а утверждают. Если вы хотите изменить реальность — используйте «стань». Если вы хотите её ЗАФИКСИРОВАТЬ — используйте «буди». БУДИ — якорь для вселенной. БУДИ — клей для разорванной ткани миров.

Мне стало неудобно. Я сама только что написала нечто подобное. Буквально слово в слово.

— Совпадение, — сказала я вслух. — Это просто совпадение.

Но мозг — дурацкий, предательский мозг — уже запустил цепочку. Я открыла исходный код страницы. Просто из любопытства. Просто потому что я филолог, а филологи любят докопаться до сути. Исходный код оказался... странным. Там не было обычных тегов. Ни html, ни head, ни body. Вместо этого — на первой строке было написано по-древнерус-

скому:

Отворися, сущее. Откройся, что есть.

Я моргнула. Страница не была html. Она была... чем-то другим. Текст плыл. Буквы шевелились, как червяки. Я потёрла глаза — может, это усталость? Нет, не усталость. На экране моего ноутбука, в окошке браузера, буквы действительно двигались. Медленно, как будто им было больно. И складывались в новые слова.

Ты ищешь, Анджелика. Ты всегда ищешь. Приходи. Улица Арбат, 13, квартира 9. Дверь откроется, если скажешь: «БУДИ».

У меня похолодели пальцы. Откуда сайт знает моё имя? Я захлопнула ноутбук. Резко, громко, так что крышка клацнула и эхо разнеслось по комнате. В соседней комнате за стеной кто-то выругался. Я сидела в темноте — единственным источником света был тусклый уличный фонарь за окном, пробивающийся сквозь дешёвые шторы. Сердце колотилось где-то в горле.

— Это галлюцинации, — прошептала я. — От недосыпа. От четырёх чашек кофе. От дурацкой курсовой. Мне просто надо спать.

Я легла. Укрылась одеялом с головой, как в детстве, когда боялась темноты. Полежала. Перевернулась. Закрыла глаза. Открыла. Ноутбук молчал. Трещина на потолке всё так же напоминала карту неведомой страны. Я заснула под утро, когда за окном начали петь птицы, и снилось мне что-то тягучее, чёрное, с запахом болота и гниющих листьев. И кто-то в том сне говорил моим голосом: «буди». Но я не помнила этого наутро. А если бы помнила — всё равно бы пошла на Арбат. Потому что я филолог. А филологи не умеют оставлять вопросы без ответов. Даже когда ответы хотят их убить.

Утро наступило внезапно, как удар током. Будильник я проигнорировала. Потом проигнорировала второй. Третий, судя по всему, был где-то в другой вселенной, потому что я его даже не услышала. Проснулась я от того, что Света колотила в дверь ногой и орала:

— Варламова! Если ты не откроешь, я вызываю МЧС!

Я сползла с кровати, путаясь в одеяле, и открыла. Света ворвалась в комнату с двумя кофе из автомата в первом этаже — судя по запаху, уже остывшими — и пакетом булок.

— Ты выглядишь как зомби, — сообщила она с порога. — Срочно пей.

— Спасибо, — прохрипела я и отхлебнула. Горько. Вода из-под крана была бы вкуснее, но кофеин есть кофеин.

— Что случилось? Ты вчера не писала с одиннадцати.

— Писала. До часу ночи.

— Я о том, что после часу. Ты пропала.

Я села на кровать, обхватив кружку обеими руками, и посмотрела на закрытый ноутбук. Он стоял на столе, чёрный, блестящий, с отпечатками моих пальцев на крышке. Невинный. Безобидный. Только я теперь знала, что это не так.

— Света, — сказала я осторожно. — Ты когда-нибудь находила сайты, которых не существует?

Она замерла с булкой на полпути ко рту.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты открываешь ссылку, а там... ну, буквы шевелятся. И сайт знает твоё имя. И приглашает тебя на Арбат, в какую-то квартиру. И для этого нужно сказать «буди».

Света медленно положила булку обратно в пакет.

— Лика. Ты... ты это серьёзно?

— Абсолютно.

— И ты хочешь сказать, что вчера, в час ночи, сидела и читала сайт с шевелящимися буквами, который звал тебя в гости?

— Да.

— И ты не выпила снотворное? Не курила ничего? Не нюхала?

— Света!

— Ладно-ладно, — она подняла руки. — Просто проверяю. У тебя бывает.

Я обиженно замолчала. Света вздохнула, отпила свой кофе, поморщилась — он действительно был ужасным — и села рядом со мной на кровать.

— Слушай, Варламова, — сказала она уже мягче. — Я тебя люблю. Правда. Но иногда мне кажется, что ты живёшь в

своей голове больше, чем в реальном мире. Ты диплом пишешь, ты с Серафимом споришь, ты ночами не спишь, ты эти свои древние глаголы... Я не удивлена, что тебе начало что-то мерещиться.

— Мне не мерещилось.

— Ага. А шевелящиеся буквы — это норма?

— Для древнерусского — норма, — буркнула я. — Там вообще всё шевелилось.

Света закатила глаза — мастерски, с профессиональным драматизмом, которому позавидовал бы любой актёр МХАТа.

— Дорогая моя филологиня, — она взяла меня за плечи и развернула к себе. — Вот что я тебе скажу. Тебе нужно две вещи. Первое: выспаться. Не четыре часа, а нормально, человеческих восемь. Второе: развеяться. Сменить картинку. Потому что если ты ещё неделю проведёшь в этой комнате с трещиной на потолке, ты реально начнёшь разговаривать с берестяными грамотами.

— Я и так с ними разговариваю, — призналась я. — Иногда они отвечают.

Света сделала лицо, с которым хирург смотрит на аппендицит на последней стадии.

— Так. План. — Она встала и начала расхаживать по комнате, жестикулируя кофейной кружкой. — В эти выходные едем за город. Ко мне на дачу. Будем жечь шашлыки, пить вино и смотреть на звёзды. Никаких ноутбуков, никаких древних текстов, никаких шевелящихся букв. Только природа, алкоголь и моё гениальное общество.

— А если у меня дедлайн по плану?

— Плевать.

— Света, Серафим убьёт меня.

— Серафим — старый пердун, который полжизни просидел в архивах. Он забыл, как выглядит солнце. А ты молодая, красивая и не должна гнить за учебниками. — Она остановилась и посмотрела на меня с неожиданной серьёзностью. — Лица. Ты когда в последний раз была счастлива? По-настоящему, без напряжения, без мысли о том, что надо что-то сделать, написать, доказать?

Я открыла рот. Закрыла. Потому что не помнила. Был мо-

мент на набережной? Когда Дима сказал «ты пугаешь меня, Варламова»? Или когда Серафим признал мою тему? Или... Или никогда.

— Вот, — констатировала Света. — Поэтому едем. И не спорь.

— А если я хочу сначала сходить на Арбат? — спросила я тихо. — В эту квартиру.

Света посмотрела на меня долгим взглядом. Очень долгим. Достаточно долгим, чтобы я почувствовала себя идиоткой.

— Ты серьёзно? — спросила она наконец.

— Любопытство.

— Любопытство убило кота.

— А удовлетворённость — воскресила, — парировала я.

— Лика. Ты не кот. Ты филолог с недосыпом и паранойей. Если ты пойдёшь на эту квартиру, там тебя либо обманут сектанты, либо ограбят, либо...

— Либо что?

— Либо ничего не будет, и ты просто потратишь время, которое могла бы потратить на шашлыки.

Я задумалась. Она была права. Чёрт возьми, она почти всегда была права, когда дело касалось бытовых вещей. В отличие от меня, Света умела отличать реальные проблемы от выдуманных. У неё был встроенный детектор бреда.

— Ладно, — сдалась я. — Едем за город. Но если я провалю диплом...

— Не провалишь. Ты гений.

— Я не гений.

— Ты гений, который слишком много думает, — Света чмокнула меня в лоб. — А теперь давай, собирайся. У тебя первая пара через сорок минут.

Я посмотрела на часы.

— БЛИН.

Через пятнадцать минут я была одета, покрашена (мини-

мально — тушь и тоналка, потому что спать три часа в сутки не красит даже филологов), с рюкзаком, из которого торчал конспект по старославянскому, и на полпути к выходу. Света шла рядом, потягивая свой кофе и комментируя всё, что попадалось на пути: от дурацкой причёски Димы (он стоял на крыльце, лохматый и сонный, и махал нам рукой) до новой вывески на столовой.

— Тебе правда стоит с кем-нибудь переспать, — бросила она между делом, когда мы заворачивали за угол.

— Что?

— Я серьёзно. Ты напряжена как струна. Секс снимает стресс. Научно доказано.

— Света!

— Что «Света»? Димка вон смотрит на тебя как щенок на сосиску. А ты делаешь вид, что не замечаешь.

— Мы друзья.

— Угу. Самый страшный вид отношений.

Я ускорила шаг, чтобы она не видела моих щёк. Потому

что они, кажется, покраснели. Это была не влюблённость. Это была просто... реакция на глупую шутку. Да. Точно.

Димка догнал нас у дверей аудитории.

— Вы чего такие оживлённые? — спросил он, заправляя за ухо вечно лезущую на глаза чёлку.

— Лика видела сайт с привидениями и теперь хочет на Арбат к сектантам, — отчеканила Света.

— Я НЕ ХОЧУ К СЕКТАНТАМ.

— А кто вчера в час ночи пялился на шевелящиеся буквы?

Димка перевёл взгляд с неё на меня. Я вздохнула.

— Это была научная гипотеза, — сказала я максимально сухо. — Которая не подтвердилась.

— Ну-ну, — хмыкнула Света и первой влетела в аудиторию, потому что звонок уже прозвенел, а препод по старославянскому, Марина Витальевна, не прощала опозданий.

Я вошла следом. Пара была обычной. Скучной. Марина

Витальевна рассказывала про редуцированные гласные, которые падали в XI веке, и я механически конспектировала, хотя знала это всё со школы. Димка сидел рядом и рисовал на полях своего блокнота какой-то сложный биологический процесс — кажется, митоз. Света с журфака была в другом корпусе, на своей паре по теории массовых коммуникаций.

Всё было нормально. Всё было обычно. Только в голове у меня, где-то на задворках, скреблись буквы. Шевелились. Складывались в слово «буди». Я выгнала их. К полудню я почти убедила себя, что вчерашнее было плодом моего воображения. Недосып, диплом, Серафим со своим давлением — вот идеальный рецепт для небольшого галлюциногенного эпизода. У меня знакомая с психфака рассказывала, что в сессию люди видят странные вещи. Я не уникальна.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — заметил Дима на перемене.

— План пишу, — соврала я.

— Небось опять про сайт думаешь? — спросил он, и в голосе его не было насмешки. Только... интерес? Беспокойство?

— Нет, — сказала я твёрдо. — Забей.

Он пожал плечами и не стал лезть. Я была ему за это благодарна.

А вечером, когда Света ушла на свидание с каким-то фотографом, а Дима отправился в лабораторию кормить мышей, я осталась одна. В комнате. С ноутбуком. И я его не открыла. Честно. Почти. Я сидела на кровати, обняв подушку, и смотрела на чёрный экран. Внутри всё чесалось. Чесалось до жжения, до зуда в кончиках пальцев, до желания просто щёлкнуть крышкой и проверить — а существует ли он вообще, этот сайт, или я его выдумала? Вместо этого я взяла телефон. Нашла Диму в контактах. Написала:

«Ты правда думаешь, что я нормальная?»

Он ответил через минуту:

«Нет. Ты странная, Варламова. Но это твоя суперсила. Не глупи. Спокойной ночи»

Я улыбнулась. Легла. Закрыла глаза. И больше не открывала их до утра. Потому что завтра нужно было сдавать план. А послезавтра — ехать за город. А потом — жить дальше, учиться, спорить, доказывать, что слова имеют значение.

Глава 2. Спор с научруком до третьего часа ночи

Я должна была сдать план в пятницу к обеду. Я сдала его в четверг, в три часа ночи. Серафим Всеславович, судя по всему, спал не больше моего — потому что ответ пришёл через семнадцать минут. Я только успела налить себе чай (уже четвёртый за вечер) и уставиться в окно на тёмное общежитское небо, когда почта «дзынькнула». Я открыла письмо с таким чувством, с каким сапёр открывает капот неизвестной машины.

Анджелика. План — полное дерьмо. Приходите ко мне в кабинет сегодня в 18:00. Разговор есть. С. В.

— Полное дерьмо, — повторила я вслух. — Полное дерьмо? Я три дня его писала! Я перелопатила Успенского, я нашла три новых источника, я...

Стул рядом скрипнул. Катя, моя соседка-китаистка, оторвалась от своих иероглифов и посмотрела на меня с сочувствием.

— Медведев?

— Он.

— Соболезную.

Катя знала Серафима по общим курсам. Она была на год старше и уже успела защитить курсовую с тройкой, потому что «профессор Медведев считает, что китайские заимствования в древнерусском — это миф, а я считаю, что он просто не умеет читать иероглифы».

— Что делать? — спросила я.

— Идти. И брать с собой кофе. И, желательно, настойку валерианы. Для него.

— Для него?!

— Он тоже человек, — Катя пожала плечами. — Иногда.

Я выдохнула, закрыла ноутбук и рухнула лицом в подушку. Подушка пахла пылью и дешёвым порошком. Я хотела провалиться сквозь кровать, сквозь пол, сквозь фундамент общежития, прямо в московскую землю, и сидеть там, в темноте, пока всё не закончится. Но филологи не сидят в земле.

Филологи встают, одеваются, пьют кофе и идут спорить с научруками. Даже когда очень не хочется. В 15:30 я была у дверей его кабинета. Третья парадная, второй этаж, дверь с табличкой «Медведев С. В., профессор». Табличка была старая, ещё советская, с выцветшими буквами. Я всегда думала, что это придаёт Серафиму Всеславовичу дополнительный шарм — как будто он здесь со времён Ломоносова. Я постучала.

— Войдите.

Голос — усталый, низкий, без интонаций. Я вошла. Кабинет Серафима Всеславовича был отдельным измерением. Книги. Книги везде. На полках, на столе, на подоконнике, на полу. Стояли штабелями, лежали стопками, торчали закладками. Пахло пылью, старыми страницами и — как я уже говорила — укропом. Не знаю, откуда брался этот запах, но он был неизменен, как сам профессор. Серафим Всеславович сидел за столом. Очки на самом носу, лысина блестит под лампой, свитер с потёртыми локтями — он всегда носил этот свитер, я подозреваю, у него их семь одинаковых.

— Садитесь, — кивнул он на стул.

Я села. Стул был жёстким, древним, с резной спинкой — наверное, ещё из дореволюционной мебели.

— Чай? — спросил он.

— Да, — сказала я, потому что отказываться от чая у Се-
рафима Всеславовича — это как отказываться от причастия.

Он поднялся, налил из электрического чайника в две кружки. Себе — чёрный, мне — тоже чёрный, потому что он не признавал заварки с добавками. Подал. Я взяла. Отхлебнула. Обожглась. Как всегда.

— Ваш план, — начал он, садясь обратно. — Полное дерь-
мо.

— Вы уже писали.

— Я повторяю для тех, кто не понял.

Он раскрыл перед собой распечатку. Мою распечатку. С пометками красной ручкой — кажется, целая поэма была там накарябана на полях.

— Пункт второй, — прочитал он. — «Глагол «быти» как утверждение существования». Серьёзно? Вы это в каком классе проходили? В пятом?

— Это рабочее название, — стиснула я зубы.

— Рабочее? Ваша работа — это пересказ учебника для средней школы.

— Я добавила анализ берестяных грамот из Новгородской экспедиции 2018 года!

— Вы добавили цитату из статьи, где три предложения из этих грамот. И сделали вывод, который тянет на три, — он загнул палец, — нет, на два балла.

Я почувствовала, как краснею. Нет, не от смущения. От ярости. От той самой, живучей, древней, которая заставляла моих предков брать в руки мечи, когда слова заканчивались.

— Серафим Всеславович, — сказала я медленно, очень медленно. — Вы сами дали мне эту тему. Вы сами сказали: «глаголы бытия в древнерусских заклинательных текстах». Я предлагала тему про заклинания против змеиного укуса — вы отказали. Я предлагала про брачные заговоры — вы сказали «неприлично для девушки». Я предлагала про...

— Я помню.

— ...про «язык мёртвых» — вы сказали, что это мистика и не наука.

— Это не наука.

— А это наука? — я ткнула пальцем в свой план. — Глагол «быти»? Это самое банальное, что можно было придумать!

Серафим Всеславович снял очки. Медленно, как будто снимал броню. И посмотрел на меня так, что у меня мурашки пошли по позвоночнику.

— Анжелика, — тихо сказал он. — Вы знаете, почему я дал вам эту тему?

— Потому что хотели меня наказать?

— Потому что вы умнее всех на потоке. И я хочу, чтобы вы это поняли.

Я замерла.

— Глагол «быти», — продолжал он, надевая очки обратно и возвращаясь к своему обычному, сухому тону. — Это не банально. Это фундаментально. Если вы сможете доказать, что древние использовали бытийные глаголы не просто как связку, а как самостоятельный акт творения — вы сделаете открытие. Слышите? Открытие. Не курсовую. Не диплом.

Открытие.

У меня пересохло в горле.

— Но ваш план, — он взял распечатку и потряс ею в воздухе, — дерьмо. Потому что вы боитесь. Вы боитесь копнуть глубже. Вы остаётесь на поверхности, цитируете общеизвестные источники и боитесь спросить себя: а что, если это правда? Что, если слова реально работали?

— Я не боюсь, — сказала я. — Просто...

— Что?

— Если я признаю, что слова работают, — голос у меня вдруг сел, стал чужим, детским. — То зачем тогда всё это? Зачем наука? Зачем анализ? Зачем мы все тут, если можно просто сказать — и случится?

Серафим Всеславович посмотрел на меня долго. Очень долго. В кабинете было тихо — только часы тикали где-то на стене.

— А вы верите, Анджелика? — спросил он наконец. — Не как учёный. Как человек.

— Во что?

— В то, что слова — это сила.

Я открыла рот. Закрыла.

— Я не знаю, — сказала я честно.

— Вот это, — он кивнул. — И есть начало настоящего исследования. Не когда у вас есть ответ. А когда вы готовы его искать.

Он встал, подошёл к книжному шкафу, достал тонкую брошюру в серой обложке. Протянул мне. Я взяла.

«И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. 1849».

— Это переиздание, — сказал он. — Там есть глава о заклинаниях. Прочтите. И подумайте.

— Но план...

— План переделаете. К понедельнику. — Он махнул рукой. — Идите. И выспитесь. Вы похожи на смерть.

Я встала. Взяла распечатку с его пометками. Взяла брошюру. У дверей обернулась.

— Серафим Всеславович.

— М-м?

— А вы верите? Что слова работают?

Он не ответил.

Только улыбнулся одними глазами — сухо, коротко, как будто щёлкнул выключателем.

— Спокойной ночи, Анджелика.

Я вышла в коридор и прислонилась спиной к стене. Было 18;30. Я пробыла у него почти четыре часа. Телефон вибрировал — сообщения от Светы («Ты где?») и от Димы («Корить тебя?»). Я не ответила. Вместо этого я достала телефон и открыла поисковик. Пальцы сами, без моего участия, набрали: «Институт Слова. Лаборатория прикладной лингвистики». Чёрный сайт с белыми буквами исчез. Вместо него — стандартная страница 404. «Страница не найдена». Ни шевелящихся букв. Ни приглашений. Ничего. Я нажала «назад» и снова — та же ошибка. Был ли он вообще? Или я его

выдумала? Я пошла к выходу. В метро, на перекладных, в общежитие. Света ждала у дверей с пиццей.

— Ну? — спросила она, вручая мне кусок. — Убил?

— Почти.

— Но живая?

— Живая, — сказала я и укусила пиццу. Горячо. Солёно. Потрясающе.

Дима пришёл через полчаса с апельсиновым соком и пачкой печенья. Мы сидели в моей комнате втроём — Катя ушла ночевать к парню — и ели, и болтали, и я пыталась забыть про Серафима и его «что, если это правда». Но не могла. А в три часа ночи, когда Света уже спала на моей кровати (мы поделили её пополам, одеяла не хватило, ноги мёрзли), а Дима ушёл к себе на биофак, я всё-таки открыла ноутбук. Не в браузер. В вордовский файл. И написала в плане новый пункт.

Пункт 7. Глагол «буди» как акт творения реальности. Возможна ли магия слова? Вопросы без ответов.

Сохранила. Закрыла. Легла. Спала я плохо. Снились мне

берестяные грамоты, которые светились в темноте и складывались в слова. Я не понимала, что они говорят. Но чувствовала, что это важно. Очень важно. Настолько, что можно умереть. В субботу Света разбудила меня в восемь утра. ВОСЕМЬ. УТРА. В СУББОТУ.

— Ты больная, — сообщила я, зарываясь лицом в подушку. — У тебя клиническое безумие.

— Вставай, — Света стащила с меня одеяло. — Мы идём в парк.

— В какой парк?

— В любой. На улице солнце. Ты зелёная, как болотная кикимора. Тебе нужен витамин D.

— Мне нужен сон.

— Спать будешь, когда умрёшь.

— Я уже почти умерла, — простонала я. — Серафим меня добил. Вчера в три ночи...

— Знаю-знаю, — она бросила на кровать мои джинсы и свитер. — Ты мне уже три раза рассказала. «Он сказал, что я

умнее всех». «Он дал мне Срезневского». «Он спросил, верю ли я в магию слов». Слушай, если ты не перестанешь говорить о своём научруке как о духовном наставнике, я начну ревновать.

— Я не...

— Одевайся.

Я оделась. Солнце и правда было. Апрельское, ещё не жаркое, но уже не зимнее — такое, от которого шуришься и улыбаешься, даже если не хочется. Москва блестела лужами и набухшими почками. Пахло весной, сырой землёй и, кажется, шаурмой — хотя шаурма тут была ни при чём. Мы шли по бульвару, Света держала меня под руку и рассказывала про вчерашнее свидание с фотографом.

— ...и он сказал, что я «слишком яркая для чёрно-белых снимков». Ты представляешь? Это был комплимент? Или он намекал, что я выгляжу как клоун?

— Комплимент, — зевнула я.

— Точно?

— Я филолог. Я разбираюсь в словах.

— Ты разбираешься в мёртвых словах. А это живые. Тут сложнее.

Я не стала спорить. Потому что, в общем-то, она была права. Парк встретил нас детским смехом, запахом хвои и бедными-несчастливыми утками, которые плавали в ещё не до конца очищенном пруду. Света потащила меня к ларьку с мороженым — розовому, похожему на маленький замок принцессы, если бы принцесса торговала пломбиром.

— Какое будешь? — спросила она, уже протягивая продащице пятьсот рублей.

— Шоколадное.

— Скукотища. — Она взяла две порции: мне шоколадное, себе — фисташковое с противным зелёным цветом, напоминающим сцену из фильма про инопланетян. — На, ешь.

Мы сели на скамейку у фонтана. Фонтан ещё не работал — было рано, чистили, наверное. Вода стояла неподвижно, мутно-зелёная, с отражением облаков. Я лизала мороженое и смотрела на эту воду. И думала. О глаголе «буди». О том, что если его произнести, что-то может случиться. О квартире на Арбате, которая, возможно, существует. А возможно, нет.

— Выключай голову, — сказала Света, ткнув меня локтем в бок. — Я вижу, как ты думаешь. У тебя лицо становится каменным. Как у статуи «Родина-мать зовёт».

— У меня не каменное лицо.

— Каменное. И зубы скрипят.

— Это я мороженое жую.

— Мороженое не жуют, его лижут.

— А я жую.

— Ты ненормальная, — счастливым голосом констатировала Света и откусила половину своего фисташкового ужаса. — Поэтому я тебя и люблю.

Мы сидели молча. Солнце поднималось выше, и теперь грело по-настоящему — я сняла свою толстовку и осталась в футболке. Света копалась в телефоне, листая ленту.

— О, — сказала она внезапно. — Димка лайкнул моё фото.

— И что?

— Ничего. Просто он твоё вчерашнее не лайкнул.

— У меня нет вчерашнего фото.

— Вот именно.

Я закатила глаза.

— Света, прекрати.

— Что прекрати?

— Сводить нас. Мы друзья.

— Вы друзья, у которых химия на весь корпус. Я не слепая.

— Химия — это у биофака, — отрезала я. — А у нас — филология. Разные дисциплины.

Света хотела что-то ответить, но в этот момент телефон звякнул. Мой. Сообщение от неизвестного номера. Я открыла.

«БУДИ» — это не просто слово. Это ключ. И вы его уже почти произнесли, Анджелика. Не делайте этого. Ещё не время.

Я побелела. Света заметила.

— Лика? Что там?

— Ничего, — я убрала телефон в карман. — Спам.

— По твоему лицу не похоже, что спам.

— Реклама. Кредиты.

— Ты выглядишь так, будто увидела привидение.

— Мороженое слишком холодное, — сказала я и улыбнулась — широко, неестественно, так, что Света мне не поверила ни на секунду.

Но она не стала лезть. Потому что Света, при всей её дурашливости, умела чувствовать границы. Она просто взяла меня за руку и сказала:

— Пойдём, купим ещё. Тебе шоколадное, мне — клубничное. И никакой филологии. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я.

Мы пошли.

Я не выключала телефон.

Сообщение пришло с номера, которого не существовало — я проверила потом, в справочнике. Пустота. Ни оператора, ни региона, ни даже кода страны. Как будто его отправили из ниоткуда. Или из нигде. Вечером я сидела одна. Катя ушла к парню снова (у них там, кажется, было серьёзно), Света поехала к родителям в Подмосковье, Дима писал какой-то отчёт по лабораторной. Я сидела на подоконнике, смотрела на двор, где какие-то первокурсники жарили шашлыки на мангале, принесённом неизвестно откуда, и пили пиво из пластиковых стаканов. Обычная жизнь. Ничего сверхъестественного. Телефон лежал рядом. Сообщение я удалила, но оно всё равно стояло перед глазами. Буквы. Белые на чёрном, как на том сайте.

«БУДИ — это ключ. Не делайте этого. Ещё не время»

Кто это написал? Зачем? И главное — откуда они знают, что я почти произнесла это слово? Потому что это правда. Вчера, после разговора с Серафимом, я сидела в темноте и

шептала в пустоту: «буди». Тихо, еле слышно. Я не знала, кому адресую. Миру? Себе? Этой дурацкой трещине на потолке? Ничего не случилось. Ничего. Или случилось, но я просто не заметила? Я слезла с подоконника, подошла к столу, открыла ноутбук. Ввела в поиске: «Институт Слова. Лаборатория прикладной лингвистики». Страница 404. Пусто. Ни следа.

Я закрыла ноутбук, легла на кровать и уставилась в тот самый потолок. Трещина. Карта неведомой страны.

— Буди, — прошептала я снова. Громче, чем в прошлый раз.

Тишина. Ничего. Я ждала. Тишина. И тогда я подумала: «Может, Света права? Может, мне правда нужен перерыв?» Завтра — воскресенье. Можно проспять до обеда, потом пойти гулять, поесть нормальной еды, не думать ни о каком «буди», ни о Серафиме, ни о странных сообщениях. Я закрыла глаза и представила себе завтрашний день: солнце, парк, мороженое. Или нет. Лучше поесть шаурму. С большой. С мясом, с острым соусом, чтобы глаза на лоб лезли. Улыбнулась своим мыслям. Подумала: «Какая же я всё-таки дура. Филолог, который боится магии слов. Это всё равно что врач, который боится крови» Но внутри, там, куда я старалась не заглядывать, что-то пульсировало. Ждало.

Я заснула под звуки гитары из окна — кто-то из первокурсников играл «Батарейку». Гитара фальшивила, голос срывался, но это было так по-человечески, так тепло, что я улыбнулась во сне. В воскресенье я проснулась с чётким ощущением, что должна что-то сделать. Не «должна» в смысле «Серафим Всеславович убьёт меня, если я не переделаю план». Другое. Более глубокое. Зуд под кожей, который чесался древнерусскими глаголами и требовал: иди, смотри, проверяй.

Я пролежала в кровати до десяти, глядя в потолок. Трещина. Карта. Вчера вечером мне казалось, что она изменилась — стала длиннее, разветвилась. Но, наверное, это просто игра света. Или недосып. Или начинающаяся паранойя. Катя вернулась от парня в девять утра, румяная и довольная, с запахом чужих духов и счастья. Она посмотрела на меня, вздохнула и сказала:

— Ты опять не спала?

— Спала.

— Тогда почему у тебя такой вид, будто ты всю ночь расшифровывала глаголицу?

— Потому что я люблю свою работу, — буркнула я и натянула одеяло на голову.

Катя хихикнула, полезла в душ, а я выбралась из кровати, потому что зуд под кожей стал невыносимым. Завтрак. Кофе. Ещё кофе. Яйцо всмятку, которое остыло, пока я смотрела в окно. Мысли крутились вокруг одного: сайт исчез. Номер, с которого пришло сообщение, не существует. Но слово «буди» никуда не делось. Оно жило во мне, пульсировало где-то в горле, готовое сорваться с языка. Я не хотела его произносить. Но и молчать о нём не могла.

— Кать, — спросила я, когда соседка вышла из душа с полотенцем на голове. — Ты когда-нибудь слышала про Институт Слова? Лаборатория прикладной лингвистики.

Катя замерла.

— Нет. А что это?

— Не знаю. Сайт был. Странный. А теперь исчез.

Она пожала плечами. Китаисты — народ практичный, они в магию не верят. У них иероглифы, там каждая чёрточка имеет значение, и никакой мистики. Только труд, дисциплина и зубрёжка.

— Может, глюк, — сказала она. — Ты много работаешь,

Лица. Отдохни.

— Я отдыхаю.

— Ты сидишь в комнате и пялишься в потолок. Это не отдых.

Она была права. Поэтому я оделась, сунула в рюкзак ноутбук, тетради, Срезневского (тощего, в серой обложке) и пошла в библиотеку. Не в главное книгохранилище МГУ, где пахнет вековой пылью и где можно потеряться между стеллажами. В маленькую — факультетскую, для филологов, свою. Ту, где библиотекари знают тебя в лицо и уже не спрашивают «вам что-то подсказать?», потому что знают — я сама знаю, что мне нужно. Или думаю, что знаю. Библиотека по воскресеньям была почти пустой. Два первокурсника на первом ряду, которые делали вид, что читают, а на самом деле листали ленту в телефонах. Один аспирант в углу с томом «Словаря древнерусского языка», который весил больше меня. Я села за свой любимый стол — у окна, откуда видно кусочек университетского двора и старые липы. Достала ноутбук, открыла вордовский файл с планом. Посмотрела на пункт 7.

Пункт 7. Глагол «буди» как акт творения реальности. Возможна ли магия слова? Вопросы без ответов.

Посидела. Закрыла. Открыла браузер. Нашла электронный каталог. Ввела поиск: «заклинания древнерусские бытийные глаголы». Три статьи. Одна — из сборника «Язык и культура» за 2003 год, вторая — диссертация какого-то кандидата наук из Воронежа, третья — заметка в студенческом альманахе. Ничего нового. Ни про «буди» как акт творения. Ни про магию слова. Я откинулась на спинку стула.

— Бесполезно, — прошептала я.

Рядом кто-то кашлянул. Я подняла глаза. Надо мной стояла библиотекарь, Нина Павловна, женщина лет шестидесяти, с пучком седых волос и глазами, которые видели всё — от защиты диссертаций до студенческих пьянок в читальном зале (было дело, не я, но Света рассказывала).

— Ищете что-то конкретное, Анджелика? — спросила она.

— Да. Но не знаю, существует ли это.

— Хм. — Она посмотрела на мой экран, потом на меня.
— Вы про закливания?

— Откуда...

— Я здесь тридцать лет работаю. Я знаю, кто о чём спрашивает. — Она достала из кармана передника маленькую карточку, пожелтевшую от времени. — Есть один фонд. Закрытый. Не в каталоге.

У меня ёкнуло сердце.

— Закрытый?

— Спецхран. Старые вещи. До революции. Приходили разные... исследователи. Не все из них были учёными. Некоторые искали то, что не предназначено для печати.

— Что за вещи?

Нина Павловна помолчала. Посмотрела на первокурсников — те не слушали. На аспиранта — тот спал, уткнувшись носом в словарь.

— Есть одна рукопись, — сказала она тихо. — XVIII век. Список с более древнего текста. Там... глаголы. Не такие, как в обычных заговорах. Они не лечат и не портят. Они... утверждают. Понимаете?

Я не дышала.

— «Буди», — прошептала я.

Нина Павловна вздрогнула.

— Откуда вы знаете?

— Случайно.

Она посмотрела на меня долгим взглядом — изучающим, почти пугающим. Как будто видела во мне что-то, чего не видела раньше.

— Не читайте её, Анджелика, — сказала она. — Пожалуйста. Некоторые слова не стоит произносить вслух. Даже в голове.

— Но это же просто исследование...

— Исследование, — она горько усмехнулась. — Да. Все так говорят. А потом они исчезают. Или хуже.

— Что может быть хуже?

— Они остаются, но перестают быть собой.

Нина Павловна ушла. Оставила меня в тишине читаль-

ного зала, с мыслью, которая пульсировала всё сильнее: она знает. Она что-то знает. И рукопись существует. Где-то здесь, в этом здании, в спецхране, лежат слова, которые не предназначены для живых. Я не стала её искать. Честно. Я просидела за столом до вечера. Читала Срезневского. Делала пометки. Пыталась убедить себя, что я — нормальный учёный, что моя задача — анализировать, а не верить. Что магии не существует. Что сайт мне приснился. Что сообщение было глюком. Но перед глазами стояли слова Нины Павловны: «Они остаются, но перестают быть собой». Я захлопнула ноутбук. Выходя из библиотеки, я столкнулась с Димой. Он стоял на крыльце с двумя стаканами кофе и смущённой улыбкой.

— Света сказала, что ты здесь, — объяснил он. — Подумал, ты заслуживаешь нормального кофе, а не из автомата.

— Спасибо, — я взяла стакан. Горячий. Настоящий. С корицей.

Мы постояли молча. Солнце садилось. Двор университета был пустым, только вороны ходили по газону с важным видом.

— Лика, — сказал Дима. — У тебя всё в порядке?

— Да.

— Ты врёшь.

— Я филолог. Филологи не врут, они подбирают точные формулировки.

— Окей. Тогда скажи точную формулировку того, что происходит.

Я посмотрела на него. Веснушки. Кеды. Руки в карманах джинсовки. И такое родное, тёплое что-то в груди, от которого хотелось плакать.

— Я не знаю, — призналась я. — Но боюсь, что скоро узнаю.

Дима кивнул, как будто это было нормальным ответом.

— Тогда я с тобой, — сказал он. — Что бы ни случилось.

— Ты не можешь быть со мной везде.

— Могу попробовать.

Мы улыбнулись друг другу. Я отхлебнула кофе. Дима по-

смотрел на небо, потом на меня, потом снова на небо.

— Хочешь, провожу до общаги?

— Хочу.

Мы пошли. Не спеша. Вороны каркали. Солнце садилось за зданием библиотеки, и в его стеклах отражался оранжевый закат. Я думала о том, что, может быть, ещё не всё потеряно. Может быть, я могу просто жить дальше — учиться, писать диплом, спорить с Серафимом, есть шаурму и не думать о странных словах. А потом я вспомнила сообщение.

«Не делайте этого. Ещё не время».

Не времени? Или не мне? Я посмотрела на Диму. На его профиль, на то, как он щурится от солнца, на его руку, которая болтается рядом с моей. Я могла бы взять его за руку. Могла бы. Но не взяла. Потому что знала: если я это сделаю, то привяжу его к себе. А я, кажется, собиралась исчезнуть. Не специально. Просто... так было нужно. Или будет нужно. Я не знала. Я вообще ничего не знала. Кроме одного: слово «буди» уже было во мне. И оно не собиралось уходить.

— Дима, — сказала я.

— М?

— Если я пропаду, ищи меня в библиотеке.

Он засмеялся.

— Ты всегда там, Варламова. Это не предсказание, это констатация факта.

Я улыбнулась. Он не понял. Но это и к лучшему. Дома, уже ночью, я всё-таки залезла в интернет. Не через браузер. Через какую-то странную программу, которую нашла на форуме для лингвистов — прокси, анонимайзер, цепочка серверов. Я не понимала, как это работает, но пальцы делали всё сами. Сайт появился. Чёрный. Белые буквы. Но теперь текст был другим.

«Вы ищете то, что ищет вас. Улица Арбат, 13, квартира 9. Завтра. 19:00. Скажите «БУДИ» у двери. Приходите одна. И не говорите никому. Это важно».

Я сидела в темноте, смотрела на экран и слушала, как Катя храпит на соседней кровати. Завтра. 19:00. Арбат. Я могла не идти. Могла сделать вид, что ничего не видела. Могла просто лечь спать. Но я — филолог. А филологи не умеют оставлять загадки неразгаданными.

Я написала Свете: «Завтра занята весь день. Не ищи меня». Диме: «Всё в порядке, не беспокойся».

Легла. Закрывает глаза. И во сне я снова шла по улице, которая пахла старыми книгами и чем-то ещё — чем-то, что я не могла описать. Сыростью. Болотом. Смертью И я не боялась. Зря.

Глава 3. Сон, где пахло болотом

Мне приснился дом. Не московская квартира, не общага, не бабушкина дача, которую я видела раз в жизни в пять лет. Другой. Старый. С резными наличниками, с крыльцом, которое просело в землю, с окнами, глядящимися в лес, как глаза в глаза. Я стояла во дворе. Босиком. Трава была холодной и мокрой, хотя на небе — полная луна, и ни облачка. Пахло сыростью, прелыми листьями и... чем-то ещё. Тягучим, сладковато-гнилостным. Болотом.

— Ты здесь, — сказал кто-то сзади.

Я обернулась. Никого. Только дом. И лес. И луна, такая огромная, что, казалось, достань руку — коснёшься.

— Ты здесь, — повторил голос. Теперь — изнутри дома. Из-за двери, которая была приоткрыта, как будто меня ждали.

Я хотела спросить «кто ты?», но язык не повиновался. Как в детском кошмаре, когда хочешь закричать — и не можешь. Я пошла к двери. Ноги не слушались, но шли. Сами. Внутри было темно. И пахло так же — болотом, сыростью, чем-то

очень старым, что помнило времена, когда Москвы ещё не было. Я сделала шаг. Второй. Пол скрипел под ногами, как будто жаловался.

— Скоро придёшь, — сказал голос. Теперь он звучал ближе. Почти над ухом. — Не сегодня. Но скоро. Мы ждём.

— Кто вы? — прошептала я. Язык наконец-то размялся.

— Те, кто знает твоё имя. И твоё слово.

— Какое слово?

Тишина. А потом — шёпот. Множество голосов, мужских и женских, старых и молодых, живых и мёртвых. Они говорили хором, как в церкви, но без музыки, без благодати — только слова, которые режут воздух:

«БУДИ. БУДИ. БУДИ»

Я проснулась с криком. Катя трясла меня за плечо.

— Лика! Лика, твою мать, проснись!

Я открыла глаза. Потолок. Трещина. Серая утренняя Москва за окном — не то рассвет, не то туман. Катя — вздох-

маченная, в короткой ночнушке, с испуганными глазами.

— Ты так орала, — сказала она. — У меня сердце чуть не остановилось.

— Прости, — голос сел, как будто я и правда кричала. — Кошмар.

— Страшный?

— Не то чтобы. Станный.

— Снилось что-то конкретное?

Я хотела сказать «болото», «дом», «голоса, которые твердили «буди»». Но язык не повернулся. Потому что если я скажу это вслух, кошмар станет реальностью. А я ещё не была готова.

— Не помню, — соврала я. — Уже вылетело из головы.

Катя посмотрела на меня с сомнением, но не стала допытываться. Легла обратно. Через минуту снова засопела. Я не спала. Лежала с открытыми глазами, смотрела в потолок и считала удары сердца. В голове пульсировало: «БУДИ. БУДИ. БУДИ». В семь утра позвонила мама.

Я не взяла трубку. Переждала. Она позвонила снова. И снова. На пятый раз я сдалась.

— Анжелика, — голос у мамы был тот самый — когда она не просит, а требует. — Ты сегодня свободна?

— Мам, у меня диплом, я не...

— Свободна, — сказала она. Это не был вопрос. — Я заеду за тобой через час. Мы едем в Подмоскovie. Надо посмотреть бабушкин дом.

— Какой бабушкин? Бабушка умерла пять лет назад.

— Именно. Дом до сих пор не продан. А мне нужны деньги на ремонт в квартире. Так что собирайся. Я у входа.

Она бросила трубку. Я посмотрела на телефон, потом на Катю, которая приоткрыла один глаз и тут же закрыла обратно.

— Мать? — спросила она в подушку.

— Мать.

— Сочувствую.

Я одевалась, пила остывший кофе, запихивала в рюкзак самое необходимое — на всякий случай: пауэрбанк, воду, бутерброды. Срезневского оставила на столе. Уже не до него. Мама ждала у подъезда в своей старой «Тойоте». Когда я села на пассажирское сиденье, она даже не поздоровалась — просто кивнула и нажала на газ. Мы ехали молча. Мама ненавидела болтать за рулём. И вообще ненавидела болтать, если разговор не касался денег, ремонта или того, кто из знакомых купил новую машину. Отец, кстати, ушёл, когда мне было три. Я не помнила его лица. Только запах — табака и чего-то сладкого, похожего на ваниль. Мама говорила, что он был «несерьёзным человеком». Ушёл к другой. Потом — к третьей. Потом его след потерялся где-то в Азии. Может, жив. Может, нет. Мне было всё равно. Ну, почти.

— Дом совсем разваливается, — сказала мама, когда мы выехали на трассу. — Соседи звонят, жалуются. Крыша протекает, окна выбиты. Надо срочно приводить в порядок и выставлять на продажу.

— Я ничего не понимаю в ремонте.

— А кто понимает? Я тоже не понимаю. Но кто-то же должен это сделать.

Логика матери была железобетонной. Я не спорила. Дорога заняла часа полтора. Мы свернули с трассы на просёлок, потом ещё раз — на грунтовку. Деревня называлась... а я и не запомнила. Какое-то древнее название, на «-ово» или «-ево». Въехали в неё, и время будто остановилось Дома — старые, покосившиеся, с покрашенными когда-то давно ставнями. Улица — пустая. Ни машин, ни людей, только собака лаяла где-то вдалеке.

Мама остановилась у калитки.

— Приехали.

Я вышла из машины и... замерла. Двор. Крыльцо. Резные наличники. Окна, глядящиеся в лес. Точно такой же — как во сне. У меня подкосились ноги. Я оперлась на машину, чтобы не упасть.

— Анжелика? — мама посмотрела на меня. — Ты чего?

— Ничего. Просто... кажется, я уже была здесь.

— Ты была здесь один раз, когда тебе было пять. Не могла запомнить.

— Я запомнила, — сказала я. — Во сне.

Мама фыркнула.

— Не говори ерунды. Пошли. У нас много работы.

Дом внутри оказался именно таким, как я и ожидала: пыльным, тёмным, с запахом сырости и запустения. Мебель — старая, ещё советская, покрытая тряпками. На стенах — выцветшие фотографии, на которых я не узнавала никого. Мама сразу ушла на кухню — открывать окна, проверять трубы. А я осталась в прихожей. И снова — пахло. Тем самым. Сладковато-гнилостным. Болотом. Я прошла в комнату. Встала посередине. Закрыла глаза.

— Ты здесь, — прошептала я. Не голос из сна. Я сама.

Никто не ответил. Я открыла глаза. Осмотрелась. В углу — старый сундук, окованный железом. На крышке — вырезаны буквы. Я подошла ближе. Пригляделась. Древнерусская вязь.

Я перевела:

«Открытому — откроется. Зовущему — придёт. Сказавшему «БУДИ» — восстанет»

— Мам, — позвала я, не оборачиваясь. — Кому принадлежал этот дом?

— Бабушке, — крикнула она с кухни. — А до неё — её бабушке. А до той — ещё кому-то. Дом старый, восемнадцатый век. Говорят, на месте языческого капища построили.

У меня волосы на руках встали дыбом.

— Какого капища?

— Откуда я знаю? Мне бабка рассказывала. Ты же знаешь наших бабок — то святое, то грешное, то колдовство. Фантазёрки.

Я не ответила. Стояла и смотрела на сундук. Мама звала помочь с уборкой. Я не шла. Вместо этого я протянула руку к крышке. Дерево было холодным, гладким, как будто его только что отполировали — хотя сундуку было лет двести, не меньше.

— Не надо, — сказала я себе. — Не надо, Лика. Ты учёный. Ты не веришь в это.

Но рука сама потянулась к защёлке. Щёлк. Сундук открылся. Внутри — пусто. Только на дне — клочок бумаги.

Старый, пожелтевший, с выцветшими чернилами. Я взяла его. Там было написано одно слово:

«ЖДЁМ»

Я выронила бумагу. Она упала на пол и... растворилась. Прямо на глазах. Распалась на пыль, которую тут же сдуло сквозняком из открытого окна.

— Анджелика! — крикнула мама. — Ты где?

— Здесь, — ответила я. Голос был чужим.

Я закрыла сундук. Не стала ничего говорить маме. Убирала, мыла полы, выносила мусор, а в голове крутилось: «ЖДЁМ». Кого ждут? Меня? Или того, кто скажет «БУДИ»? Или это одно и то же? В четыре часа мы закончили. Мама была довольна — сказала, что можно вызывать риелтора. Я села в машину, пристегнулась и уставилась в окно. Дом провожал меня тёмными глазницами окон.

— Мам, — спросила я, когда мы выехали на трассу. — А что стало с бабушкиными вещами? Которые были в сундуке?

— В каком сундуке?

— В том, что в комнате. Старый, с железными полосами.

Мама нахмурилась.

— Не помню никакого сундука. Ты, наверное, обозналась.

— Он стоял в углу. Я его открывала.

— Анжелика, — мама повернулась ко мне, чуть не вылетев на встречу. — В доме нет никакого сундука. Там вообще почти нет мебели. Мы всё вывезли, когда бабушка умерла.

Я замолчала. Потому что поняла: сундук был только для меня. И записка — только для меня. И слова на крышке — только для меня.

Мы ехали в Москву. За окном темнело. Лес сменялся полями, поля — многоэтажками. Я сжимала в кармане куртки пустоту — бумага исчезла, но след от неё остался. На пальцах. В памяти. Вернувшись в общагу, я заперлась в комнате. Катя ушла к парню — хорошо, не нужно будет врать, что я делаю. Я села на кровать, обхватила колени руками и просто сидела. Смотрела в стену. Думала. Сундук, которого не было. Записка, которая растворилась. Дом, который я видела во сне за неделю до того, как увидела его наяву. Это не совпадения. Я не верю в совпадения. Я филолог. Я знаю, что у

слов есть этимология, а у событий — причинно-следственные связи. Просто иногда причина лежит не там, где мы привыкли её искать.

— Ладно, — сказала я вслух. — Допустим, я не сошла с ума. Допустим, магия существует. Допустим, дом бабушки стоит на месте языческого капища. Что дальше?

Дальше — информация. Я открыла ноутбук. Пальцы замерли над клавиатурой. Что искать? «Капища древней Руси»? Слишком общо. «Подмосковье языческие святилища»? Уже лучше.

Я набрала:

«Капища древней Руси, настоящее время Подмосковье»

Поисковик выдал кучу ссылок. Я начала читать, и с каждой минутой внутри разгоралось странное чувство — смесь удивления, любопытства и ледяного озноба. Оказывается, вокруг Москвы таких мест — десятки. Вот, например, капище в Лосином острове — прямо в черте города, в национальном парке. Там стоят деревянные идолы Макоши, Сварога и Велеса. Не древние, конечно — современные неоязычники поставили. Но место выбрано неслучайно: говорят, там веками что-то было. А вот под Ногинском — капище «Руско-

Ладь», полная реконструкция древнего славянского храма. С идолами Перуна, Сварога и... Морены. Я замерла. Морена. Морана. Богиня смерти и зимы. Та самая, которая прокляла Кощея. Я помотала головой. Нет, Лика, ты слишком далеко зашла. Кощея не существует. Это сказки. Ты взрослый человек, филолог, а не... Но пальцы уже сами забивали в поиск: «Морена капище Подмоскovie» Ничего конкретного. Но среди результатов — статья про «Змеиный камень» в Шатуре. Я кликнула.

«Посреди дремучих лесов и болот стоит некогда богатое село Шатур. По преданию, на месте села было языческое капище... Есть и Змеиный камень — к югу от села, недалеко от деревни Сабанино. К нему ведет жуткая тропа через лес».

Я перечитала. Болото. Лес. Капище. Пахло. Тем же самым запахом. Из сна. Из дома. Из сундука. Я пролистала дальше. «Белые боги» под Радонежем — там, говорят, было капище, где монголы молились своим богам, а потом его разобрали, но кто-то уверен, что жертвенный алтарь до сих пор существует. «Синь-камень» в Переславле-Залесском — огромный валун, который... движется. Я фыркнула. Камни не двигаются. Но внутри что-то ёкнуло. Ещё одна статья — про случайную находку в серпуховском лесу. Какой-то мужчина гулял с собакой и наткнулся на древнее капище.

«В древности такие места старались располагать подальше от жилья — в лесной чаще или на болоте. Центром святилища были деревянные или каменные идолы... Обязательным элементом служил большой плоский камень, называемый Алатырь. Он исполнял роль алтаря, на который возлагали дары и жертвы».

Алатырь. Я слышала это слово. Где? В какой-то лекции? В древнерусских текстах? «Бел-горюч камень Алатырь» — так в заговорах говорили. Считалось, что он — пуп земли, место, откуда пошёл мир. Я откинулась на спинку стула. Восемьсот лет. Капища. Алатырь. Морена. И слово «БУДИ».

— Это какой-то бред, — прошептала я. — Это не может быть связано.

Но в глубине души я знала: связано. Всё связано. Сайт. Сундук. Сон. Дом на болоте. Я посмотрела на время. 18:30. Арбат, 13, квартира 9. 19:00. Я встала. Одеюсь. Натянула джинсы, свитер потолще — вечером холодно. Кроссовки. Волосы собрала в хвост, чтобы не мешали. В зеркало не смотрелась — боялась увидеть там не себя. На столе остался телефон. Я взяла его. Подумала — написать Свете? Диме? Нет. Сайт сказал: «Приходите одна. И не говорите никому». Я всегда нарушала правила. Но сейчас почему-то не хотелось. Я написала только одно сообщение. Диме.

«Если я завтра не выйду на связь — ищи меня на Арбате. Дом 13, квартира 9. Не спрашивай почему. Просто запомни»

Отправила. Выключила звук. Выходя из комнаты, столкнулась с Катей — она вернулась за забытым телефоном.

— Ты куда? — спросила она.

— Погулять, — улыбнулась я. — Душно в комнате.

— Выглядишь странно, — заметила Катя. — Бледная.

— Недосып.

Она не поверила, но не стала лезть. Я вышла на улицу.

Апрельская Москва гудела. Светились окна, сигналили машины, пахло бензином и первой зеленью. Нормальный вечер. Нормальный город. Я шла к метро. И внутри меня, под рёбрами, пульсировало слово. Метро я ненавидела в час пик. Все эти люди, толкающиеся локтями, с рюкзаками, с сумками, с вечными телефонами у уха — они давили на меня, как стена. Обычно я просто надевала наушники и отключалась от мира. Но сегодня мир не хотел отключаться. Сегодня я ехала на Арбат. Не потому что верила. А потому что надо было проверить. Убедиться. Поставить точку. Сказать себе:

«Варламова, ты взрослый человек, никакой магии не существует, а сайт — это чей-то дурацкий розыгрыш». Я пересаживалась с линии на линию, и внутри всё кипело. Слово «БУДИ» стояло на языке, как привкус металла. Я боялась произнести его раньше времени. Вдруг сработает? Вдруг — нет? Вдруг — хуже? У выхода из метро я поймала такси. Потому что Арбат хоть и недалеко, но пешком идти было лениво, да и время поджимало — я хотела успеть ровно к семи. Как на сайте.

— Куда? — спросил таксист, не оборачиваясь.

— Арбат, 13.

Он кивнул и нажал на газ. Мы ехали молча. Таксист слушал какой-то шансон, я смотрела в окно. Москва вечерняя — огни, реклама, люди, спешащие по своим делам. Никто из них не знал, что я еду проверять, существует ли магия. И правильно. Потому что, если честно, я сама не знала.

— Девушка, — сказал таксист через пять минут. — А вы уверены, что вам туда?

— В смысле?

— Арбат, 13. Это старый дом. Там половина здания рас-

селена.

— Уверена.

Он пожал плечами.

— Как скажете.

Потом, минут через десять:

— Девушка, мы уже на месте. Точнее, почти. Дальше машина не проедет, пешком три минуты. Там двор. Только...

— Что?

— Не ходите туда один. Место странное. Соседи говорят, там то свет горит в пустых квартирах, то звуки какие-то. Мистика, — он усмехнулся. — Но я в это не верю, конечно.

— Я тоже, — сказала я и вышла.

Пешком три минуты оказались десятью. Я плутала по дворам, сверяясь с картой в телефоне. Дом номер 13 нашёлся не сразу — он прятался за деревьями, старый, пятиэтажный, с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами на первых этажах. Подъезд был один. Дверь — железная, с ко-

довым замком, который, судя по всему, не работал уже лет десять. Я дёрнула ручку — заперто.

— Твою мать, — прошептала я.

Внутри — ни звука. Рядом — ни души. Только фонарь мигал над крыльцом, и тени плясали на стенах, как живые. Я уже хотела развернуться и уйти, когда из подъезда — прямо из этого, запертого, — вышел мужчина. Средних лет, в кепке, с авоськой. Прошёл мимо, даже не взглянув на меня. Дверь за ним захлопнулась. Я рванула. Успела просунуть ногу в щель. Дверь клацнула по кроссовку, но открылась. Я проскользнула внутрь. Подъезд пах. Плесенью. Кошками. И чем-то ещё — тем самым, что я уже начала узнавать. Болотом.

— Не ссы, Варламова, — сказала я себе. — Это просто старый дом. Старые дома пахнут так.

Я пошла вверх. Лестница скрипела. Стены были разрисованы граффити — кто-то нарисовал странные символы, похожие на руны. Пятый этаж. Шестой. Седьмой. На площадке восьмого горела лампочка — одна на весь этаж, тусклая, жёлтая, как глаз больного животного. Девятая квартира. Дверь. Обычная. Деревянная, крашеная синей краской, которая облупилась. Цифры «9» на табличке — криво приби-

той, одним гвоздём. Ни звонка. Ни ручки — только железная скоба. Я подошла. Встала перед дверью. Сердце колотилось где-то в горле, отдавалось в висках, в пальцах, в кончиках волос.

— Я здесь, — сказала я тихо. — Что дальше?

Ничего. Тишина. Только где-то далеко, за стеной, плакал ребёнок. Или это мне казалось. Я выдохнула. Вспомнила, зачем пришла. Сказать «БУДИ». Я открыла рот.

— Бу... — начала я.

И замолчала. Потому что это глупо. Потому что я филолог, блин. Потому что магия — это для детей. Потому что если я сейчас скажу это слово вслух, а ничего не случится — я буду выглядеть полной идиоткой. Даже перед собой. Но, с другой стороны, если я не скажу, то никогда не узнаю. Я стиснула зубы.

— БУДИ, — сказала я. Громко. Чётко. Как заклинание.

Тишина. Ничего. Ни хлопка, ни вспышки, ни открывшейся двери. Никакой магии. Никакого чуда.

— Дура, — сказала я вслух. — Полная дура.

Развернулась и пошла вниз. Быстро, почти бегом, чтобы не думать. Чтобы не чувствовать. Чтобы не признавать, что я — отличница, умница, гордость филологического факультета — повелась на какой-то дурацкий сайт с шевелящимися буквами.

— Идиотка, — повторяла я, выходя из подъезда. — Кретинка. Вундеркинд филологии, мать её.

На улице стемнело. Фонарь мигал всё так же. Никто меня не ждал. Никто не встречал. Я поймала такси — другое, на этот раз — и поехала к метро. Таксист молчал. Я молчала. Мы молчали всю дорогу. В метро я села в угол вагона, закрыла глаза и прокручивала в голове весь этот день. Бабушкин дом. Сундук. Записка. Капища. Арбат. Всё это было. Или нет? Может, я действительно переработалась? Может, Света права, и мне просто нужен был секс? Или отпуск? Или нормальный сон? Я открыла глаза. Напротив сидел парень в наушниках и читал книгу. Обычный. Ничего сверхъестественного. Вагон качался, объявляли станции, люди заходили и выходили. Москва. Обычная жизнь. Без магии. Без чудес. Я вышла на своей станции, прошла через турникеты, вынырнула на улицу. Общага маячила вдалеке — серое здание с горящими окнами. Моё окно тоже горело. Значит, Катя уже вернулась. Я поднялась на свой этаж, открыла дверь

ключом, вошла.

Катя сидела на кровати в пижаме с единорогами (моей — я дала ей поносить, потому что свою она забыла у парня). В руках — кружка с чаем. На лице — выражение кота, который съел сметану и не собирается признаваться.

— Ну? — спросила она. — Где ты была?

— Гуляла, — сказала я. — Я же говорила.

— До одиннадцати вечера?

— Люблю ночные прогулки.

Катя посмотрела на меня так, как смотрят на пациента психиатрической лечебницы, который утверждает, что он — Наполеон.

— Лика, — сказала она медленно. — Ты выглядишь так, будто увидела привидение. Или пыталась его вызвать. Что случилось?

— Ничего, — я стянула кроссовки, бросила рюкзак на пол. — Я просто... сделала глупость.

— Какую?

— Повелась на чушь. На интернет-чушь. Думала, там что-то есть. А там — ничего.

— Что за чушь?

Я хотела рассказать. Про сайт, про слово, про квартиру. Но язык не повернулся. Потому что, если рассказать, пришлось бы признать, что я в это верила. Даже на минуту. Даже на секунду. А теперь, когда я стояла перед этой дверью, сказала «БУДИ» и ничего не произошло — теперь я чувствовала себя последней душой. В моей профессии нельзя верить в магию слов. Их можно изучать. Описывать. Анализировать. Но не верить. Серафим Всеславович был прав: я не лингвист, я поэт. А поэтам место в литературных кружках, а не в научных исследованиях.

— Ничего, — сказала я Кате. — Забей.

Я выключила свет, забралась под одеяло и отвернулась к стене. Трещина на потолке — её было видно даже в темноте. Карта неведомой страны. Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает злость. На себя. На сайт. На Серафима. На этот дурацкий мир, который не хочет быть волшебным, сколько в него ни стучись.

— Лика, — шепнула Катя через десять минут. — Ты спишь?

— Нет.

— Ты плачешь?

— Нет, — сказала я. И это была правда. Потому что для слёз нужно было что-то большее, чем разочарование. Мне нужно было горе. А его не было.

Была только пустота. Я заснула под утро. И мне ничего не снилось. Ни болота. Ни домов. Ни голосов, шепчущих «БУ-ДИ». Только тьма.

Глава 4. Портал в библиотеке имени Ленина

Утро понедельника было серым, холодным и пахло варёными яйцами из общей кухни. Я проснулась с тяжёлой головой и отвратительным чувством, что сегодня будет долгий день. Катя уже ушла — на первой паре у китаистов была контрольная по иероглифике, и она убежала затемно, даже не попрощавшись. Я лежала, смотрела в потолок и перебирала вчерашнее. Арбат. Дверь. «БУДИ». Ничего. Абсолютно ничего.

— Дура, — сказала я себе в который раз. — Ты просто дура.

Встала. Налила остывший кофе из турки, которую Катя оставила на плите. Выпила залпом, не чувствуя вкуса. Оделась кое-как — джинсы, свитер, кроссовки, конспекты в рюкзак. В зеркало посмотрела мельком: синяки под глазами, бледная кожа, взгляд исподлобья. Усталая, злая и какая-то... чужая. В коридоре общежития меня перехватила Света. Она стояла у выхода, подпирая стену плечом, с двумя стаканами кофе — нормального, не из автомата — и видом человека,

который сейчас устроит мне допрос с пристрастием.

— Варламова, — сказала она вместо приветствия. — Ты идиотка.

— Доброе утро, — я попыталась пройти мимо, но она загрозила дорогу.

— Я серьёзно. Идиотка. С большой буквы. Иди. От. Ка.

— Света, пусти.

— Нет, пока не скажешь, зачем ты вчера попёрлась на этот чёртов Арбат. Одна. Вечером. В какой-то полуразрушенный дом.

Я вздохнула.

— Откуда ты знаешь?

— Димка прислал скрин твоего сообщения. «Если я завтра не выйду на связь — ищи меня на Арбате, дом 13, квартира 9». Ты представляешь, как он переживал? Он мне звонил вчера в десять вечера, орал, что ты не отвечаешь, что он не знает, где тебя искать, что готов был ехать в полицию!

— А я ему сказала не волноваться.

— А он волнуется, потому что ты ему дорога, идиотка!

Я взяла у неё из рук один стаканчик. Просто чтобы занять руки. Отхлебнула. Горько. Горячо. Хорошо.

— Ничего там не было, — сказала я. — Обычный дом. Обычная дверь. Код не работал, я зашла за каким-то мужиком, поднялась на девятый этаж, сказала волшебное слово — и ничего не случилось.

— Какое слово?

Я помолчала.

— Не важно.

— Лика.

— «Буди», — брякнула я. — Древнерусский глагол. «Быть» в повелительном наклонении. Сказала — и ноль эмоций. Дверь не открылась, портал не зажегся, Кощей не прискакал. Только запах плесени и бомжи по углам.

Света смотрела на меня так, будто я только что призна-

лась, что пишу фанфики про Путина.

— Ты реально сказала «буди»? Вслух? Перед дверью?

— Да.

— И ничего?

— Ничего.

Она постояла. Потом выдохнула и отхлебнула свой кофе.

— Ладно. Допустим. Ты идиотка, но, может, и не полная. Потому что если бы дверь открылась и тебя похитили инопланетяне — мне было бы неудобно на твоих поминках говорить, что я не отговаривала.

— Спасибо за поддержку.

— Не за что. — Она взяла меня под руку и потащила к выходу. — Пошли. У тебя первая пара. И, Варламова?

— М?

— Больше никогда так не делай. Если хочешь проверить какую-то чушь — бери меня. Или Димку. Но не одна. Поня-

ла?

— Поняла, — сказала я.

Но мы обе знали, что я вру. Всё утро я пыталась убедить себя, что вчерашнее было ошибкой. Сайт — розыгрыш. Сообщение — чей-то дурацкий прикол. Сундук в бабушкином доме — галлюцинация на почве усталости. Запах болота — просто старая плесень, которой полно в старых домах. Я сидела на лекции по старославянскому, делала вид, что слушаю, и прокручивала в голове логические цепочки. Окей, Варламова. Допустим, магия существует. Но если она существует, почему она не сработала? Ты сказала «БУДИ» — и ничего. Значит, либо магии нет, либо ты что-то сделала не так. Либо тебя просто развели. Второе казалось самым вероятным. Кто-то создал красивый, мистический сайт. Кто-то подобрал аудиторию — впечатлительных филологов, которые верят в силу слов. Кто-то ждал, пока какая-нибудь дура вроде меня приедет на Арбат и скажет заветное слово. А дальше — что? Фейерверк? Появление «мага» с предложением услуг? Или просто запись скрытой камеры для YouTube-канала «Самые тупые студенты МГУ»? Я почувствовала, как краснею.

— Варламова, — препод сказал что-то, я не расслышала.

— Да?

— Вы с нами?

— Да-да, извините.

Я сделала вид, что смотрю в конспект, и снова ушла в свои мысли. К концу пары я почти убедила себя. Да. Это был развод. Просто развод. Люди верят в магию, в гороскопы, в таро — это не значит, что всё это правда. Я — учёный. Я должна смотреть на вещи трезво. После пары я вышла в коридор, и меня настиг запах. Болота. Гниющих листьев, сырой земли, чего-то древнего и тяжёлого. Я замерла.

— Лика? — это была одноклассница Лена, которая что-то говорила про домашнее задание, но я не слышала.

— Извини, — сказала я. — Мне нужно... в библиотеку.

Я почти бегом спустилась по лестнице, вылетела на улицу. Запах исчез. Обычный московский воздух — выхлопные газы, пыль, кофе из ларька.

— Показалось, — прошептала я. — Просто показалось.

Но внутри меня, где-то под рёбрами, зашевелилось сомне-

ние. Вместо того чтобы идти на вторую пару, я поехала в библиотеку имени Ленина. Российская государственная библиотека. Моё любимое место. Там пахнет книгами, тишиной и чем-то бесконечно спокойным. Я любила теряться в её залах, бродить между стеллажами, листать старые издания, от которых пыль забивает нос. Мне нужно было отвлечься.

Забыть про «БУДИ».

Зарыться в чужой текст, чтобы не слышать свой собственный внутренний голос, который нашептывал: «А что, если?..». Я сдала рюкзак в камеру хранения, прошла через турникет, поднялась на третий этаж в читальный зал отдела рукописей. Стол у окна — мой любимый. Вид на улицу Воздвиженку, на старые здания, на людей, которые спешат по своим делам. Я села, достала ноутбук. Открыла файл с планом диплома. Посмотрела на пункт 7.

«Возможна ли магия слова? Вопросы без ответов»

Посидела. Закрыла. Открыла поисковик. Набрала: «глагол буди заклинания древняя русь». Стандартные статьи. Ничего нового. Закрыла. Откинулась на спинку стула, закрыла глаза. Запах. Опять. Болото. Гниль. Сырость..Здесь? В библиотеке имени Ленина? В читальном зале, где кондиционеры работают на полную и каждый день моют полы с

хлоркой? Я открыла глаза..Никого. Только тётки за столом выдачи читательских билетов. Только студент, который спал на соседнем ряду. Только тишина. Но запах не уходил. Он становился сильнее. Ближе. Как будто болото подступало к самому окну. Я встала. Подошла к окну. Внизу — обычная Москва. Машины, автобусы, люди. Никакого болота. Я повернулась. И замерла. Потому что в углу читального зала, между стеллажами с рукописями, висело нечто. Воздух дрожал. Как в жаркий день над асфальтом. Только сейчас была середина апреля, и кондиционер работал на полную. Дрожь была неестественной — цветной, переливчатой, как бензиновая плёнка на луже. И оттуда пахло болотом. Я сделала шаг. Второй.

— Не подходите, — сказала тётка за столом выдачи. Я не слышала её — только видела, как шевелятся губы.

Я подошла ближе. Пространство в углу было... разорвано. Как будто кто-то взял реальность и порвал её. Из разрыва тянуло холодом, сыростью и тем самым запахом, который преследовал меня несколько дней.

— Это галлюцинация, — прошептала я. — У меня тепловой удар. Или недосып. Или...

Я протянула руку. Пальцы коснулись дрожи. Не воздуха

— чего-то более плотного, упругого, как натянутая плёнка. Плёнка поддалась. Я отдёрнула руку. Сердце колотилось где-то в горле. Я оглянулась — тётка за столом читала книгу. Студент спал. Никто ничего не видел.

— Этого не может быть, — сказала я вслух.

Но разрыв был.

— Нет, — сказала я. — Я не пойду. Я жить хочу.

Я развернулась и почти побежала к выходу. Схватила рюкзак в камере хранения. Вылетела на улицу. Вдохнула полной грудью — выхлопные газы, пыль, весна. Москва. Я в Москве. Я не в сказке. Я здесь. Я обычный человек. Или нет? Я не знала. Но знала одно: я больше не вернусь в этот читальный зал. Вечером я сидела в комнате с ногами на кровати и смотрела в телефон. Света писала про какую-то вечеринку на журфаке. Дима прислал мем про биологов и филологов. Всё было нормально. Обычно.

Я не рассказала им про разрыв в библиотеке. Потому что если рассказать — придётся признать, что это было на самом деле. А если признать — придётся решать, что с этим делать. А я не хотела решать. Я хотела, чтобы всё было как раньше. Чтобы мир был предсказуемым. Чтобы магия не су-

ществовала. Только теперь, когда я закрывала глаза, я видела не тьму, а дрожащий воздух в углу читального зала. И слышала шёпот. Не слова — ощущения. Что-то очень древнее и очень голодное звало меня. Туда.

— Я не пойду, — сказала я вслух.

Слово упало в пустоту комнаты. Никто не ответил. Но запах болота — совсем слабый, почти незаметный — остался.

Неделя превратилась в один бесконечный, липкий, тягучий день. Я перестала замечать, когда сплю, а когда нет. Просыпалась — и первым делом не тянулась к телефону, не включала чайник, а просто сидела и нюхала воздух. Есть запах или нет? Сегодня он слабее? Сильнее? Может, мне просто кажется? Но он не исчезал. Болото. Сырая земля. Гнилые листья. И что-то ещё — сладковатое, тошнотворное, как цветущая вода в стоячем пруду. Оно преследовало меня везде. В аудиториях, в коридорах, в метро, в собственной комнате. Катя говорила: «Ли́ка, ты не хочешь открыть окно? Здесь чем-то пахнет». Я делала вид, что не понимаю, о чём она, но внутри всё холодело. Значит, не только я чувствую. Значит, это реально. С Серафимом мы встретились в среду. Я принесла переделанный план — кое-как, на коленке, лишь бы сдать. Он посмотрел, хмыкнул, отложил в сторону.

— Вы чем-то озабочены, Анджелика, — сказал он. Не

спросил — констатировал.

— Дипломом, — соврала я.

— Нет. Дипломом озабочены тогда, когда его сроки поджимают. А у вас ещё два года. Вы озабочены чем-то другим. — Он посмотрел на меня поверх очков. — Не исчезайте, Варламова. У меня на вас планы.

Он отпустил меня. Я вышла из кабинета и поняла, что даже не помню, о чём мы говорили. Мои мысли были в другом месте. В библиотеке. Я стала там почти постоянным обитателем. Не в главном зале, не в читалке — я боялась туда возвращаться, боялась снова увидеть этот дрожащий воздух в углу. Я шла в отдел редкой книги. В отдел рукописей. В любые места, где можно было найти что-то про древние капища, про языческие святилища, про места силы. Я забыла про диплом. Забыла про курсовую. Забыла про Серафима, про его «планы», про свои оценки. Я искала. Капища. Глаголы. «Буди». Нашла странную монографию 1912 года, где автор утверждал, что древние славяне использовали бытийные глаголы не в ритуальных целях, а как «ключи к реальности». Книга была запрещена синодом, изъята из библиотек, и только чудом сохранилась в частной коллекции, которую выкупили большевики и засекретили в спецхран.

— Что за чушь, — прошептала я, но читала дальше.

Автор — некто Гавриил Лопатин, магистр богословия, анафематствованный церковью за «еретические изыскания». Он писал: «Слово «буди» есть не просьба и не приказ, но утверждение. Произнося его, человек не меняет реальность — он подтверждает её. Он говорит миру: «Ты существуешь. Я существую. Это — правда». И мир, услышав своё имя, откликается»..Я перечитывала этот абзац раз десять. Лопатин утверждал, что такие слова — «глаголы-якоря» — были утеряны после христианизации Руси. Не потому что их забыли, а потому что их спрятали. В местах, где языческая сила была особенно сильна. В капищах. В местах, где земля помнила старых богов.

— Ну, допустим, — сказала я книге. — И что дальше?

Книга молчала. Я закрыла её и уткнулась лбом в стопку бумаг. На стол упала чья-то тень. Я подняла глаза. Надо мной стоял Дима..Не улыбался. Не шутил. Смотрел серьёзно, даже мрачно.

— Лика, — сказал он. — Когда ты последний раз ела?

— Сегодня утром...

— Что ты ела?

Я задумалась. Кажется, печенье. Или чипсы. Или ничего. Я не помнила.

— Вот, — сказал Дима. — Вставай. Мы уезжаем.

— Куда?

— На природу. С палатками. На выходные.

— Дима, у меня диплом...

— Ты над ним не работаешь уже неделю. Ты сидишь в библиотеке и читаешь какую-то чертовщину про капища.

— Это для...

— Для чего? Для диплома? — Он взял со стола монографию Лопатина, посмотрел на название и хмыкнул. — «Ключи к реальности». Серьёзно, Лика? Это же оккультизм, а не наука.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю, что ты исхудала, у тебя синяки под глаза-

ми и ты не спишь по ночам. Я понимаю, что ты с кем-то разговариваешь, когда думаешь, что тебя никто не видит. И я понимаю, что ты мне врёшь, когда я спрашиваю, в порядке ли ты.

Он говорил тихо, но жёстко. Я никогда не видела его таким.

— Дим, правда, всё нормально...

— Ненормально. — Он протянул руку. — Давай. Собирайся. У нас машина на час.

— Мы не можем просто так взять и уехать.

— Можем. У меня есть знакомая, у неё дача в Калужской области. Лес, река, никакой связи. И, как мне сказали, — он сделал паузу, — место там особое.

— Что значит «особое»?

— Филологи говорят — место силы. Якобы там было древнее капище. Леший охраняет, водяной в реке плещется, всякая нечисть. — Он усмехнулся. — Я в это не верю, конечно. Но, думаю, тебе будет интересно.

У меня сердце ёкнуло.

— Капище? Настоящее?

— Ну, так говорят. По легендам. На самом деле просто старый лес и река. Но для тебя это лучше, чем сидеть в душной библиотеке и читать про магию, не выходя на улицу.

Я посмотрела на него. Потом на книги. Потом на свои руки — бледные, с обкусанными ногтями.

— Ладно, — сказала я. — Едем.

Дорога заняла часа три. Дима вёл машину — старенький «Фольксваген», который ему подарили родители. Я сидела на пассажирском, смотрела в окно и чувствовала, как постепенно отпускает. Москва осталась позади. Многоэтажки сменились пятиэтажками, потом — частными домами, потом — лесом.

— Расскажи, — попросил Дима, когда мы выехали на трассу.

— О чём?

— О том, что тебя гложет.

Я помолчала. Смотрела, как деревья мелькают за окном, как солнце пробивается сквозь облака.

— Ты не поверишь, — сказала я.

— Попробуй.

Я рассказала. Про сайт. Про слово «буди». Про сон с домом и болотом. Про сундук, которого не было. Про разрыв в читальном зале РГБ. Про запах, который преследует меня везде. Дима слушал молча. Не перебивал. Не спрашивал «ты что, с ума сошла?». Просто слушал. Когда я закончила, он спросил:

— И ты думаешь, это как-то связано с капищами?

— Не знаю. Может быть.

— А слово «буди» — ты его произнесла?

— Да. На Арбате. Ничего не случилось.

— А в библиотеке?

Я вздрогнула.

— В библиотеке я его не говорила. Только смотрела на разрыв. И не пошла туда.

— Почему?

— Потому что я в Москве, — сказала я твёрдо. — Я никуда не упала и никуда не исчезла. И не собираюсь.

Дима кивнул.

— Ладно. Тогда давай так: мы едем в лес, ставим палатку, жарим мясо, смотрим на звёзды. Никакой магии. Никаких глаголов. Только ты, я и природа. Договорились?

— Договорились, — сказала я.

Но в душе я знала: если это место действительно было капищем, запах болота не оставит меня в покое. А может, я просто хотела его почувствовать. Потому что если он есть — значит, я не сумасшедшая. Значит, всё это правда. Мы приехали уже в сумерках. Лес встретил нас тишиной. Не той московской — с постоянным гулом машин и музыкой из окон, — а настоящей. Когда слышно, как падает лист. Как дышит земля. Как где-то далеко ухает сова. Дима нашёл место у реки. Поляна, окружённая старыми берёзами, с ровной пло-

щадкой под палатку. Я вылезла из машины, вдохнула и... Запах. Не болота. Не гнили. Сосны. Сырой земли. Речной свежести. И чего-то ещё — древнего, тёплого, как печка в бабушкином доме. Я выдохнула.

— Хорошо здесь, — сказала я.

— Да, — согласился Дима. — Я же говорил.

Мы поставили палатку — на самом деле это был в основном Дима, я только подавала колышки и путалась под ногами. Разожгли костёр. Дима достал маринованное мясо из сумки-холодильника, шампур, какие-то овощи. Я сидела на поваленном дереве, смотрела на огонь и чувствовала, как напряжение уходит. Не полностью — тонкая ниточка по-прежнему тянулась откуда-то из-под рёбер к тем местам, которые я искала в библиотеке. Но здесь, среди берёз, у реки, с Димой, который молча переворачивал шампуры — здесь было легче.

— Дим, — спросила я. — А ты веришь в места силы?

— Не знаю, — он пожал плечами. — Я биолог. Я верю в то, что можно измерить. Но...

— Но?

— Но иногда, когда стоишь в таком месте, чувствуешь что-то. Необъяснимое. Может, это просто совпадение. Может, магнитные поля или инфразвук. А может — действительно сила.

— Ты стал философом.

— Это ты на меня так влияешь.

Мы улыбнулись друг другу. Ночь была тёплой для апреля. Мы ели шашлык, пили чай из термоса, разговаривали ни о чём. Про универ, про общих знакомых, про то, как Света в очередной раз поругалась с фотографом. Я почти забыла про запах болота. Почти. А потом я пошла к реке.

— Я сейчас, — сказала я Диме. — Набрать воды.

— Темно, — он нахмурился. — Давай я с тобой.

— Я не маленькая. Пять метров.

Я взяла фонарик на телефоне и пошла. Река была чёрной. Серебряная дорожка от луны лежала на воде, дрожала, переливалась. Я присела на корточки, протянула руку. Вода была холодной. Обжигающе холодной, хотя апрель не мог та-

ким быть. И из воды на меня смотрело лицо. Не моё. Другое. Бледное, с пустыми глазами, с чёрными волосами, которые плавали в реке, как водоросли. Я замерла.

— Не бойся, — сказала лицо. Губы не шевелились, но я слышала слова — в голове, как свою собственную мысль. — Мы тебя ждали.

Я не закричала. Не побежала. Спросила:

— Кто вы?

— Те, кто помнит. Те, кто ждёт.

— Чего ждёте?

— Слова.

Я выпрямилась.

— Если вы скажете мне «буди», клянусь, я закричу так, что Дима прибежит, и мы уедем прямо сейчас, и я никогда больше не вернусь в это место.

Лицо в воде улыбнулось. Криво, страшно, по-нечеловечески.

— Слово — не наше. Слово — твоё. Ты уже произнесла его. Теперь осталось только...

Оно не договорило.

Дима крикнул от костра:

— Лика! Ты там?

Лицо исчезло. Вода сомкнулась, как будто ничего и не было. Только круги расходились по чёрной глади.

— Всё нормально! — крикнула я. — Сейчас иду!

Я вернулась к костру. Села на своё место. Дима посмотрел на меня внимательно.

— Ты побледнела.

— Вода холодная.

— Там было что-то?

— Нет. Ничего.

Он не поверил, но промолчал. Только протянул мне кружку с горячим чаем. Мы сидели у костра. Луна поднялась высоко. Где-то в лесу ухал филин.

— Дим, — сказала я. — Ты ничего странного не чувствуешь?

Он прислушался.

— Тишина, — сказал он. — Обычная лесная тишина. А что?

— Ничего, — ответила я.

Но я-то знала. Лес говорил. Не словами — звуками, которые складывались в ритм. В ритм, похожий на древние заклинания, которые я читала в учебниках. И в этом ритме я слышала своё имя. Не «Анджелика». Не «Лика». Что-то другое. Более древнее. Более правильное. Я заснула в палатке под шелест реки. Рядом — Дима, который сопел в спальнике и иногда бормотал что-то во сне. Было тепло. Спокойно. Как в детстве, когда мир был понятным и ни в какой болотный запах не верили даже в кошмарах. Я закрыла глаза. И снова увидела лицо в воде. Только теперь оно было ближе. И говорило тише:

— Придѣшь. Обязательно придѣшь.

Я проснулась от того, что Дима тряс меня за плечо.

— Лика! Вставай! Ты опять кричала.

Я села. Потрогала лицо. Щѣки были мокрыми — от слѣз или от росы, я не поняла.

— Извини, — сказала я. — Поехали домой.

— Сейчас?

— Сейчас. Пожалуйста.

Он не спросил почему. Просто собрал палатку, затушил костѣр, загрузил вещи в машину. Мы уехали затемно. Лес провожал меня тишиной. А на границе леса, когда мы выезжали на трассу, я обернулась. Там, в сумерках, стояла фигура. Не разобрать — мужчина или женщина, старый или молодой. Просто — фигура. И смотрела на меня. Я закрыла глаза.

— Я в Москве, — прошептала я. — Я никуда не упала и никуда не исчезла.

Машина набирала скорость. Лес остался позад. Вернувшись в общагу, я мечтала об одном — упасть лицом в подушку и не вставать до завтрашнего утра. Лес, река, лицо в воде, этот бесконечный запах болота, который, казалось, пропитал мою одежду насквозь — я устала. Не физически даже. Как-то глубже. До костей. Дима довёз меня до дверей, молча кивнул на прощание и сказал только: «Если что — звони. Даже ночью». Я кивнула, вылезла из машины и побрела к подъезду. Пятый этаж. Лестница. Длинный коридор с запахом борща и чужой жизни. Моя комната. Дверь. Я открыла. И замерла. На моей кровати сидела мама. Не в верхней одежде — уже разулась, поставила сумку на пол, даже чай себе налила из моего чайника. Катя куда-то испарилась — наверное, сбежала, не выдержав маминого напора.

Рядом с мамой на полу стояла картонная коробка. Старая, потрёпанная, перевязанная бечёвкой. На боку крупными буквами было написано: «КНИГИ. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».

Мама подняла на меня глаза.

— Ну наконец-то, — сказала она тоном, который не оставлял сомнений: она здесь уже не десять минут и успела истомиться ожиданием. — Целый день тебя нет. Где ты была?

— За городом, — я скинула рюкзак, стянула куртку, не зная, злиться или удивляться. — Мам, а ты чего? Предупредила бы...

— Предупреждать тебя бесполезно, ты всё равно не отвечаешь. — Она поджала губы. — Я звонила. Раз десять.

Я полезла в карман джинсов за телефоном. Семь пропущенных. И три сообщения от мамы: «Анджелика, возьми трубку», «Анджелика, это срочно», «Я у тебя в комнате. Жду».

— Прости, — сказала я виновато. — Там связи не было. Лес.

— Лес, — повторила мама неодобрительно. — С кем?

— С Димой. Мы на природу ездили.

Мама окинула меня взглядом — испачканные джинсы, растрёпанный хвост, синяки под глазами. Ничего не сказала, но я прочитала всё по её лицу: «Безобразие, молодые люди должны вести себя прилично, а не шататься по лесам неизвестно с кем».

— Ладно, — сказала она наконец. — Не в этом дело. Я

тут кое-что привезла.

Она кивнула на коробку. Я посмотрела на неё. Обычная картонка, из-под обуви, наверное. Затёртая до дыр. Бечёвка старая, пыльная.

— Это что? — спросила я.

— Книги, — ответила мама, как будто это было очевидно. — Старые. Из нашего шкафа. Сегодня перебирала, думала, тебе будет полезно.

— Какие книги?

— Ну, откуда я знаю? Ты же филолог. Я подумала: вдруг пригодятся. А то выбросить жалко, а хранить негде.

Я присела на корточки перед коробкой. Потрогала бечёвку. Та была шершавой, пыльной, почти рассыпалась от прикосновения.

— Могла бы позвонить, — сказала я, не поднимая головы. — Я бы сама приехала, забрала.

— Четыре коробки? — мама хмыкнула. — Не смей меня. У тебя комната девять метров, куда ты их поставишь? Я

привезла одну. Самые старые. Остальные у меня в гараже, заберёшь на каникулах.

Четыре коробки. Целый шкаф старых книг. Я даже не знала, что у нас дома есть что-то подобное. Мы никогда не были читающей семьёй — мама читала детективы на пляже, отец, когда ещё жил с нами, вообще ничего не читал, кроме газет.

— А откуда они? — спросила я. — Бабушкины?

— Бабушкины, — мама кивнула. — Моей мамы. И её мамы. Часть — вообще неизвестно чьи, там дарственные надписи старые, я не разбираю. — Она помолчала и добавила как бы невзначай: — Ах да. Там ещё бабушкин дневник.

Я подняла голову.

— Дневник?

— Ага. — Мама взяла свою кружку, отхлебнула чай — мой чай, из моей кружки, уютно так, по-хозяйски. — Она туда заговоры писала. На удачу, на здоровье, на ещё что-то. Я уже не помню. Я в это никогда не верила, но бабушка — она была... — мама запнулась, подбирая слово, — своеобразная.

У меня внутри всё оборвалось. Заговоры. Бабушкины за-

говоры. Я смотрела на коробку, и она вдруг перестала быть просто коробкой со старыми книгами. Она стала чем-то другим. Дверью. Порталом. Сундуком, которого не было в бабушкином доме, но который я видела во сне.

— Мам, — спросила я осторожно. — А бабушка... она правда верила в эту магию? В заговоры?

— Понятия не имею, — мама пожала плечами. — Она была из деревни. В деревнях все во что-то верят. То в домового, то в лешего. Я выросла в городе, для меня это просто фольклор.

Она поставила кружку на стол, поднялась.

— Ладно, мне пора. Поезд через час. — Она чмокнула меня в щёку — сухо, как всегда, но я почувствовала тепло. — Ты ешь нормально, Анджелика. Худая как щепка. И высыпайся. А то на себя не похожа.

— Хорошо, мам.

Она ушла. Щёлкнул замок. Шаги затихли в коридоре. Я осталась одна с коробкой. Сидела на корточках и смотрела на неё. Бечёвка. Пыль. Надпись фломастером: «КНИГИ. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».

— Ну давай, — сказала я себе. — Чего ты боишься? Это просто старые книги.

Я развязала бечёвку. Та лопнула в двух местах — рассыпалась от старости. Откинула клапаны коробки. Пахнуло. Не библиотекой. Не пылью. Другим. Тем самым. Болотом. Я отшатнулась. Сердце заколотилось где-то у горла.

— Нет, — прошептала я. — Нет, только не сейчас.

Я глубоко вдохнула — ртом, чтобы не чувствовать запах. На секунду задержала дыхание. Потом выдохнула и заглянула внутрь. Книги. Старые. В твёрдых переплётах, в мягких обложках, с потёртыми корешками, с выцветшими буквами на титульных листах. Некоторые — на дореволюционной орфографии с твёрдыми знаками на концах слов. Некоторые — на польском, кажется, или на чешском, я не разобрала сразу. Одна — вообще рукописная, в кожаном переплёте, с застёжкой. Я осторожно достала верхнюю

«Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». Издание 1869 года. Я открыла — страницы жёлтые, хрупкие, пахнут временем. На полях — пометки. Бабушкиным почерком? Или чьим-то ещё? Я отложила. Следующая.

«Народные заговоры и заклинания». Тоже старый, но без

даты. По шрифту — конец XIX века. На титульном листе — дарственная надпись чернилами, выцветшими до бледно-коричневого: «Елизавете на добрую память от матери. Да хранят тебя слова».

Елизавета — моя бабушка. Я закрыла книгу, положила обратно. Ещё книгу. Ещё. В самом низу, придавленная тяжёлым томом словаря Даля (тоже старого, с потрёпанными страницами), лежала тоненькая тетрадь. В клеёнчатой обложке, когда-то зелёной, а теперь выцветшей до грязно-серого. На обложке — ничего. Ни имени, ни даты. Я достала её. Открыла. Почерк — ровный, аккуратный, с наклоном вправо. Женский. Бабушкин? Я не была уверена — я почти не помнила бабушку. Она умерла, когда мне было четырнадцать, но последние годы болела и почти не вставала с кровати. А до этого мы виделись редко — мама не любила ездить в эту деревню, в этот пахнувший сыростью дом. Я перелистнула первую страницу.

«Да будет слово моё крепко и лепко. Да будет оно как камень Алатырь, как бел-горюч камень, который не сдвинуть, не разбить. Аминь»

Я прочитала три раза. Камень Алатырь. Тот самый. Пуп земли. Место, откуда пошёл мир. Я читала о нём у Лопатина, в той монографии, которую нашла в спецхране. Древние

верили, что Алатырь — это не просто камень, а центр мироздания. Точка сборки реальности. Я перевернула страницу.

«Чтобы спасти от смерти мужа. Встать на заре, взять воды из трёх колодцев, сварить кашу на этой воде, выйти в чисто поле, повернуться к солнцу и сказать...»

Заговор. Обычный, бытовой. Я читала такие в сборниках. Ничего особенного. Но внизу — приписка. Другим почерком, более резким, торопливым:

«Не помогает. Всё одно помер. Горе мне, горе»

У меня мурашки побежали по спине. Я листала дальше. Заговоры от болезней. От врагов. От тоски. Заговоры на урожай. На любовь. На удачную торговлю. И среди них — один. На отдельной странице. Обведённый красным. Древнерусскими буквами. Вязью, почти нечитаемой. Я напряглась.

Перевела:

«Буди. Яко аз глаголю, тако и будет. Буди. Яко рече, тако и сотворится. Буди. Яко слово моё — закон, и не преступить его ни человек, ни бог, ни смерть» Ниже — приписка обычным почерком, бабушкиным: «Это не открывать. Это беречь. Это — ключ. Да хранит тебя Бог, если ты решишься

его использовать. И да простит тебя Бог, если не решишься» Я сидела на полу, прижав тетрадь к груди, и не могла дышать. Ключ. Ключ к чему? К двери на Арбате, которая не открылась? К разрыву в читальном зале? К тому месту в лесу, где лицо в воде назвало меня по древнему, забытому имени? Я не знала. Но знала одно: бабушка знала то, что я только начинала подозревать. Магия слов существует. Это оружие. Или спасение. Или проклятие. Я закрыла тетрадь и спрятала её под подушку. Книги обратно в коробку. Коробку — под стол, чтобы Катя не увидела и не спросила лишнего. Легла на кровать. Закрыла глаза. Перед глазами — строчки бабушкиного дневника. «Ключ». Я знала, что открою его. Не сегодня. Не завтра. Но скоро. Потому что ключ — для того и существует, чтобы им пользоваться. Я заснула с этой мыслью. И мне снилось, что я стою на огромном чёрном камне посреди болота. Вокруг — туман. Внизу — чёрная вода. А в тумане — голоса. Много голосов. Они пели:

«Буди. Буди. Буди»

И я пела вместе с ними. Потому что это было правильно. Потому что это было — мой голос. Моё слово. Моё имя. Я проснулась в холодном поту. За окном — утро. А на столе, на книге, которую я вчера отложила, раскрытой на той самой странице с капищами, лежал свежий дубовый лист. Откуда? Я не знала. В комнате не было ветра. Окно было закрыто. Я взяла лист. Понюхала. Пахло лесом. Не болотом. Лесом.

Сосной. Жизнью. Я улыбнулась — сама не знаю чему.

— Буди, — прошептала я тихо.

В этот раз — без страха. И в этот раз — что-то изменилось. К пятнице я была похожа на зомби, которого заставляли ходить на пары, делать вид, что слушаешь лекции, и улыбаться в столовой, когда одноклассники шутили про сессию. Бабушкина тетрадь лежала под подушкой. Я перечитывала её по ночам, водила пальцами по строкам, пытаюсь запомнить каждое слово. Дубовый лист засох и рассыпался в труху, но я сохранила крошки в конверте и спрятала в ящик стола — на всякий случай. На всякий случай чего, я не знала. Света заметила.

— Варламова, — сказала она в коридоре после последней пары. — Ты выглядишь как смерть поэта.

— Какого поэта?

— Любого. Пушкина, например. Когда он на дуэль собрался, но перед этим не спал три дня и писал стихи про то, как всё надоело.

— Я не пишу стихи.

— Ты транжиришь свою молодость, — отрезала Света. — Сегодня пятница. Мы идём на вечеринку.

— Куда?

— К Андрею. Помнишь Андрея? С журфака. У него хата на час, но родители уехали, так что хата на всю ночь. Будет музыка, будут люди, будет алкоголь. И ты будешь.

— Света, у меня диплом...

— Твой диплом никуда не денется. А твоя психика — может. — Она взяла меня за плечи. — Лика. Я серьёзно. Ты за неделю похудела на размер. Ты не спишь. Ты разговариваешь сама с собой. Димка сказал, что вы ездили на природу, и ты там... с кем-то говорила у реки. С кем?

— Ни с кем.

— С водой?

— Света.

— Ладно-ладно. — Она отпустила меня. — Но сегодня ты идешь. Я зайду за тобой в восемь. Надень что-нибудь человеческое. И без этих твоих свитеров.

Я хотела отказаться. Правда хотела. Но внутри, где-то под рёбрами, проснулось что-то забытое — желание быть нормальной. Ходить на вечеринки. Смеяться. Танцевать. Целоваться с кем попало. Не думать о глаголах, капищах и каменных алтарях. Может, Света права. Может, мне просто нужно выпить, потанцевать и перестать накручивать себя.

— Ладно, — сказала я. — В восемь.

Света просияла. В восемь она пришла с пакетом косметики и решительным видом.

— Садись, — сказала она, указывая на стул. — Я буду тебя красить. Без вариантов.

— Я умею краситься сама.

— Ты красишься так, будто идёшь на экзамен, а не на вечеринку. Доверься профессионалу.

Я доверилась. Через полчаса из зеркала на меня смотрела незнакомка. Глаза — подведённые, с лёгкой дымкой. Губы — чуть ярче, чем я обычно ношу. Волосы — распущены, падают на плечи волной.

— Ого, — сказала я.

— Ого, — согласилась Света. — А теперь одевайся.

— Во что?

— В то, что я принесла.

Из пакета появилась блузка. Шёлковая, тёмно-синяя, с V-образным вырезом и длинными рукавами. И узкие джинсы — обтягивающие, почти как лосины.

— Это мои, — сказала Света. — Тебе должны подойти, мы одного размера.

— Света, в таком виде я выгляжу...

— Сексуально. Да. В этом и смысл.

Я оделась. Посмотрела в зеркало. Джинсы сидели идеально — Света не ошиблась. Блузка переливалась в тусклом свете комнаты, подчёркивала плечи, талию, всё, что можно и нельзя.

— Ты готова разбивать сердца, — объявила Света, натягивая своё платье — короткое, чёрное, с блёстками.

— Я не хочу разбивать сердца.

— А я хочу, чтобы ты разбила хоть одно. Особенно одно конкретное.

— Света...

— Не начинай. Поехали.

Вечеринка была в трёхкомнатной квартире на юго-западе. Родители Андрея, как и обещалось, уехали на дачу, оставив сыну простор для манёвра. Простор этот использовался по полной: музыка гремела из колонок так, что сотрясались стены, народ толпился на кухне, в зале, на балконе, в коридоре, даже в ванной кто-то сидел и, кажется, плакал. Пахло дымом, алкоголем, чужими духами и чем-то жареным — кто-то умудрился соорудить хот-доги в духовке. Света сразу утащила меня к столу. Налила мне чего-то крепкого — рома с колой, наверное — и сказала: «Пей, не думай». Я выпила. Обожгло горло, разлилось теплом по животу. Стало легче. Потом ещё. И ещё. И ещё.

— Варламова! — Андрей, хозяин квартиры, полез обниматься. Он был хорошим парнем, из тех, кто умеет делать вечеринки, но сам на них почти не пьёт, потому что следит за порядком. — Ты пришла! А мы думали, ты пропала.

— Почти пропала, — сказала я. — Но Света спасла.

— Света у нас герой, — согласился Андрей и уволок Свету танцевать.

Я осталась одна у окна. Смотрела, как внизу, во дворе, кто-то запускал фейерверки — салют в честь пятницы, почему нет? Огни взлетали вверх, рассыпались искрами и гасли. Красиво. Бессмысленно. Как всё, что я делала последнюю неделю.

— Лика?

Я обернулась. Дима. Он стоял в двух шагах, в рубашке с закатанными рукавами, джинсах и тех самых кедах, в которых я его привыкла видеть. Волосы влажные — наверное, только из душа. Смотрел на меня странно. Как будто видел впервые.

— Привет, — сказала я.

— Привет, — сказал он. — А ты... ты выглядишь...

— Света постаралась, — усмехнулась я.

— Не в этом дело. Просто ты обычно...

— Обычно я филолог, который не вылезает из библиотеки, — я отпила из стакана. — Сегодня я филолог, который хочет напиться и забыть, как его зовут.

Дима помолчал. Потом взял меня за руку — легко, почти невесомо — и сказал:

— Тогда я с тобой.

Мы пили. Не вместе — каждый из своего стакана, но как-то синхронно. Сначала ром с колой. Потом пиво — кто-то сунул в руку холодную банку, и я пила, не чувствуя вкуса. Потом что-то красное и сладкое — может, коктейль, может, компот, смешанный с водкой. Музыка гремела. Кто-то включил «Руки Вверх» — все заорали и начали подпрыгивать. Света танцевала посреди комнаты, откинув волосы назад и что-то крича Андрею на ухо. Я стояла у стены, прислонившись спиной к холодным обоям, и чувствовала, как алкоголь стирает границы. Сначала — крайности. Потом — память. Потом — мысли. Дима стоял рядом. Плечо к плечу. Я чувствовала его запах — не одеколона, а что-то простое, мыльное, своё.

— Дим, — сказала я, когда очередной трек сменился чуть

более медленным. — Ты когда-нибудь боялся, что сойдёшь с ума?

— Постоянно, — ответил он. — Но потом вспоминал, что я биолог, а биологи не сходят с ума, они просто проводят полевые исследования.

Я засмеялась. Громче, чем нужно. Пьяно.

— Ты смешной, — сказала я.

— Ты тоже, — сказал он. — Особенно когда не спишь по ночам и читаешь про заговоры.

— Ты знаешь?

— Я знаю, что ты не спишь. Потому что ты мне пишешь в два часа ночи. Ты не помнишь?

Я помнила. Сообщения. Длинные, бессвязные, про бабушкин дневник, про камень Алатырь, про лицо в воде. Дима отвечал на каждое. Коротко, спокойно: «Понял», «С тобой всё будет в порядке», «Спи, Варламова».

— Прости, — сказала я. — Я не должна была...

— Должна, — перебил он. — Если тебе страшно — пиши. Если тебе плохо — звони. Если тебе нужно, чтобы кто-то просто был рядом — я буду.

Я посмотрела на него. На его веснушки. На его губы. На то, как прядь волос упала на лоб.

— Я сейчас поцелую тебя, — сказал он. — Можно?

Вместо ответа я взяла его за рубашку и притянула к себе. Поцелуй был неуклюжим, с привкусом рома и колы. Губы — мягкие, тёплые, чуть солёные от пота. Руки — сначала на моей талии, потом на спине, потом в волосах. Я обняла его за шею, прижалась всем телом, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Лика, — прошептал он мне в губы. — Мы можем...

— Да, — сказала я. — Пожалуйста. Да.

Дальше было отрывисто, как кадры из чужого кино. Такси. Холодный воздух после душной вечеринки. Дима называет адрес — свой адрес. Я сижу на заднем сиденье, положив голову ему на плечо, и смотрю, как пролетают огни Москвы. Квартира Димы. Однушка на пятом этаже, без лифта. Поднимаемся, почти падая. Ключ никак не попадает в за-

мок. Дима смеётся. Я смеюсь. Потом дверь открывается, и мы вваливаемся внутрь. Комната. Книги на полках — его и мои, я приносила ему почитать, он не возвращал. Растения на подоконнике — он ухаживает за ними лучше, чем за собой. Кровать. Большая, с серым постельным бельём, смятая — не застелена с утра. Я не помню, как мы разделись. Блузка упала на пол где-то у двери. Джинсы — рядом. Кроссовки — одна у дивана, вторая под столом. Помню только его руки — на моей талии, на спине, на груди. Помню, как он сказал: «Ты красивая» — и голос у него дрожал. Помню, как мне было жарко и холодно одновременно, как будто внутри зажигали фейерверк. Секс был пьяным. Неловким. Немного больно, потом — хорошо. Я прижималась к нему, кусала плечо, чтобы не закричать, хотя соседи и так не спали. А он шептал моё имя — «Лика, Лика, Лика» — как заклинание. Потом всё кончилось. Я лежала на его груди, слушала, как бьётся сердце, и чувствовала, как алкоголь медленно отпускает, оставляя вместо тепла — пустоту.

— Ты как? — спросил он.

— Хорошо, — сказала я. — Всё хорошо.

Я врала. Не потому что было плохо. Было... странно. Правильно и неправильно одновременно. Как будто мы делали то, что должны были сделать уже давно, но не потому что

хотели, а потому что так надо. Я не стала думать об этом. Уткнулась носом ему в шею, закрыла глаза. Он обнял меня, погладил по спине.

— Спи, Варламова, — сказал он. — Я рядом.

Я спала. И во сне не было ни болота, ни лиц в воде, ни древних капищ. Была только темнота. Тёплая, мягкая, как это одеяло. И Дима рядом. А этого было достаточно. Чтобы не сойти с ума ещё на одну ночь.

Глава 5. Проснись в болоте (Или как я охренела от жизни)

Первое, что я осознала — это мокрое и тёплое. Что-то тыкалось мне в лицо. Мокрое. Тёплое. И очень настойчивое.

— Дим, — пробормотала я, не открывая глаз. Голос был хриплым, горло саднило — то ли от вчерашнего рома, то ли от того, что я, кажется, кричала во сне. — Убери, пожалуйста, кота.

Кот был настойчивым. Он обнюхивал меня. Носом в щёку, в нос, в губы. Тёплое дыхание, мокрый нос, и что-то... не кошачье. Больше. Тяжелее. Я почувствовала, как тень накрыла моё лицо — кто-то стоял надо мной, склонившись, и нюхал. Сопел. Изучал. Я приоткрыла глаза В мутном утреннем свете — мутном, потому что я ещё не проснулась, потому что я была пьяна и сонна одновременно — я увидела морду. Не кота. Не собаки. Волка. Серого. Лохматого. С жёлтыми глазами, которые смотрели на меня с выражением глубокого недоумения: «Что это за хреновина валяется в моём лесу?» Я заорала. Подскочила на месте — и тут же ударилась головой обо что-то твёрдое и ветвистое. Боль прострелила от темечка до позвоночника. Волк наострил уши. Не убежал.

Смотрел на меня и, кажется, оценивал — съедобна ли я и сколько из меня выйдет мяса.

Я заорала ещё раз. От страха, от боли, от всего, что происходило. Волк — не ожидал, видимо, от добычи такой громкой реакции — отпрыгнул и в три прыжка скрылся между деревьями. Я рванула в противоположную сторону. Босиком. По чему-то мягкому, мокрому и холодному. Ветки хлестали по голым ногам, по лицу, по рукам. Где-то на бегу я поняла, что на мне только блузка и джинсы — кроссовок на ногах не было. Но в тот момент это было последним, о чём я думала. Я бежала, пока лёгкие не начали гореть, а ноги — подкашиваться. Остановилась. Упала на колени. Попыталась отдышаться. И тут до меня дошло. Я в лесу. Я босиком. Я в блузке и джинсах, которые от чего-то мокрые Я не в квартире Димы. Не в Москве. Не в общежитии. Я — где-то.

— Бред, — прошептала я. — Это бред. Я сплю. Я сейчас проснусь.

Я закрыла глаза, сжала их изо всех сил, потом открыла. Лес не исчез. Деревья стояли на тех же местах. Небо — серое, низкое, какое бывает только перед дождём, — висело надо мной, как потолок. Я встала. Пошатнулась. Голова кружилась — то ли от страха, то ли от вчерашнего алкоголя, который всё ещё не выветрился из крови.

— Дима? — позвала я тихо. — Света?

Тишина. Только птицы. Только где-то далеко — шум. Воды? Листвы? Я не поняла.

— Это не смешно, — сказала я громче. — Я не знаю, кто это всё устроил, но это не смешно. Я звоню в полицию.

Я потянулась за телефоном. В кармане джинсов было пусто. Ни телефона. Ни ключей. Ни заколки. Ничего.

— Вот дерьмо, — прошептала я.

И тут я услышала. Сзади. Кто-то крался. Не волк — тот был крупным и тяжёлым. Это было что-то помельче. И осторожнее. Пряталось за деревьями, но дышало так громко, что я слышала. Я медленно повернулась. Из-за ствола берёзы выглядывало... нечто. Маленькое. Корявое. С телом, похожим на сплетённые корни, с глазами, как две мутные лужицы. На голове — что-то вроде шапки из мха. Пальцы — длинные, узловатые, с когтями.

— Я сплю, — сказала я этому нечто. — Это плод моего воображения.

Нечто моргнуло. Не всеми глазами сразу. Сначала одним, потом другим. Потом медленно, как будто сомневаясь, улыбнулось — беззубым ртом.

— Здравсьте, — проскрипело оно.

Я заорала. Громче, чем на волка. Громче, чем на угрозу. Орала так, как не орала никогда в жизни — дико, по-животному, всем нутром. Сделала шаг назад, чтобы бежать — и не почувствовала под ногой земли. Моя нога ушла во что-то мягкое, холодное, цепкое. Вторая — следом. Я взмахнула руками, пытаюсь удержать равновесие — но провалилась по колено. Потом по пояс. Потом по грудь. Болото. Я застряла в болоте.

— ПОМОГИТЕ! — заорала я, уже не разбирая, кому. — КТО-НИБУДЬ!

Нечто у дерева продолжало смотреть на меня. С любопытством. Без спешки. Потом медленно покачало головой — осуждающе — и растворилось в листве.

— НЕ УХОДИ! — закричала я. — ВЕРНИСЬ, ТВАРЬ!

Болото чавкало. Меня затягивало. Каждая попытка вытащить ногу приводила к тому, что я погружалась глубже. Тор-

фьяная жижа была ледяной, воняла гнилью и чем-то древним, подземным — тем самым запахом, который преследовал меня в Москве. Только здесь он был в сто раз сильнее.

— Димка, — прошептала я, чувствуя, как слёзы смешиваются с грязью на лице. — Мама. Света. Кто-нибудь.

Я уже была по шею. Пахло болотом. Дышать становилось тяжело — жижа сдавливала грудную клетку.

«Это конец, — подумала я. — Я умру в болоте. В какой-то дурацкой сказке. В чужом мире. Никто не найдёт моё тело».

И в этот момент я услышала.

Цок.

Цок-цок.

Цок-цок-цок.

Я знала этот звук. Я читала о нём в книжках. Смотрела в фильмах. И никогда — слышала. Копыта. Но не лошадиные. Другие. Жёсткие, сухие, как костяные. Упыри. Я замерла. Даже дышать перестала. Из тумана, который стелился над болотом, начали появляться силуэты. Невысокие, коре-

настые, с неестественно длинными руками. Кожа — серо-зелёная, как тина. Глаза — маленькие, красные, горят в сумерках. Их было трое. Может, пятеро. Я не считала — я просто смотрела, как они окружают болото, как скалят жёлтые клыки, как нюхают воздух.

— Свежатиной пахнет, — сказал один. Голос — скрипучий, как несмазанная дверь.

— Живой, — ответил другой. — Совсем живой.

— Кощей будет недоволен, — третья тварь хихикнула. — Она же на границе. Его границе.

Они говорили так, будто меня не было. Или будто я была не человеком — мясом. Изучали, облизывались, подходили ближе. Я хотела закричать — но голос пропал. От страха, от холода, от осознания, что я не в Москве. Не в своём мире. Нигде, где есть правила.

— Вкусная, — сказал первый упырь, наклоняясь к воде. — Давайте вытащим? Кощей не узнает.

— Узнает, — ответил второй. — Он всё узнаёт.

— Может, она сама вылезет?

Они смотрели на меня. Ждали. Я не вылезала. Я боялась пошевелиться — вдруг они поймут, что я не просто кусок мяса, а человек, который может двигаться, кричать, сопротивляться?

— Ну давай, — сказал первый упырь. — Прыгай. Мы поймем.

Я зажмурилась. И в этот момент что-то случилось. Вода за спиной взбурлила. Меня схватили — за шкурку, за блузку, за волосы — и рванули вверх. Болото зачавкало, не желая отпускать, но меня тащили. Сильно. Грубо. Над водой показались мои плечи, грудь, талия — я вылетела из жижи, как пробка из бутылки шампанского, и рухнула на твёрдую землю. Трава. Корни. Мокро. Я лежала на животе, кашляла и выплёвывала болотную воду, когда чья-то рука — обычная, человеческая — взяла меня за подбородок и подняла моё лицо вверх. Я увидела мужчину. Лицо — резкое, словно выточенное из камня. Скулы — идеальные, как на античной статуе. Глаза — тёмные, глубокие, бездонные. И в этих глазах — ни капли сочувствия. Только холодное любопытство. Он был одет в что-то странное — длинный тёмный плащ, кожаная броня, высокие сапоги. Не современное. Не московское. Другое. Упыри за его спиной расступились, прижались к деревьям, опустили головы.

— Ты на хрен кто? — выдохнула я.

Он отпустил мой подбородок и выпрямился. Смотрел сверху вниз — брезгливо, как на грязное пятно на своём идеальном сапоге.

— Не местная, — сказал он. Голос — низкий, холодный, без интонаций. — Слова какие-то заморские.

— Чего? — я попыталась встать, но ноги не слушались. Джинсы, насквозь мокрые, тяжелели, как свинец. Блузка прилипла к телу, просвечивала насквозь, но мне было плевать. Холод, страх и дикая злость смешались в коктейль, от которого я захмелела сильнее, чем вчера от рома.

— Это я должен спрашивать, — сказал мужчина. — Кто ты и что делаешь на границе? — Он окинул меня взглядом — с головы до ног, с ног до головы — и добавил: — Скажи спасибо, что я тебя вытащил, а не Ягиня.

— Я кто?! — переспросила я. В ушах шумело, перед глазами всё плыло. Может, у меня сотрясение? Может, я умерла и попала в ад? В ад какой-то странный — с упырями и красивыми мужиками в плащах.

Мужчина наклонил голову — медленно, как хищник, изу-чающий добычу. Спросил:

— Живая что ли?

— Нет, блядь, мёртвая! — выпалила я. Злость пересилила страх. Я села, отряхнула с лица грязь и посмотрела на него снизу вверх. — Я повторю вопрос. Ты кто на хрен такой?!

Он не удивился. Не обиделся. Только смотрел. Долго. Пристально. Как будто сканировал меня изнутри.

— Обычно кличут хранитель, — сказал он наконец. — Для вас — Кощей.

Я опешила. Открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Что, блядь? — спросила я.

Он не ответил. Повернулся к упырям и что-то сказал на языке, которого я не знала — гортанным, резким, с шипящими звуками. Твари закивали и рассосались по лесу, как дым. Мужчина — Кощей, чёрт бы его побрал — снова посмотрел на меня.

— Следуй за мной, — сказал он. — Не хочу, чтобы тебя

сожрали раньше, чем я пойму, откуда ты взялась.

— Я никуда не пойду! — заорала я, пытаюсь встать. Ноги скользили на мокрой траве. Получилось только со второй попытки.

— Останешься здесь — сожрут, — пожал он плечами. — Мне всё равно.

Он развернулся и пошёл. Я стояла по колено в грязи, в блузке, которая просвечивала насквозь, сбитыми ногами, без кроссовок, без телефона, в чужом мире, где упыри разговаривают, а Кощей — красивый мужик с идеальной скулой.

— Это сон, — сказала я вслух. — Очень реалистичный сон. Сейчас я проснусь в кровати Димы и скажу ему: «Мне приснился Кощей».

Щипнула себя за руку. Остался синяк.

— Ну зашибись, — прошептала я. — Просто зашибись.

Кощей обернулся. Посмотрел на меня. В глазах — ни капли сочувствия. Только усталость. Бесконечная, многовековая усталость человека, который видел слишком много глупых смертных и не хочет видеть ещё одну.

— Идёшь? — спросил он.

— А у меня есть выбор? — огрызнулась я.

— Всегда есть выбор. — Он отвернулся и пошёл дальше.

— Умереть здесь. Или умереть чуть позже.

Я пошла за ним. Потому что выбора правда не было. А потому что внутри, где-то там, под слоями грязи, страха и злости, проснулось то самое — филологическое, идиотское, негибаемое — любопытство. Кощей. Настоящий Кощей. Из сказок. Из легенд. Которого в древнерусских текстах называли «бессмертным» и «хранителем грани». Я, Варламова Анжелика Романовна, второкурсница филфака МГУ, шла босиком по лесу за Кощеем, в блузке, в которой вчера целовалась с Димкой, с единственной мыслью:

«Какого хрена, жизнь? Какого хрена?»

Кощей шёл впереди. Я за ним — босиком, мокрая, замёрзшая, с единственным желанием: упасть и сдохнуть, потому что это, судя по всему, был единственный надёжный способ выбраться из этого кошмара. Мои кроссовки остались в болоте. Блузка прилипла к телу так, что я чувствовала каждый шов, каждый холодный ветерок, который пробирал до костей. Джинсы, насквозь мокрые, натирали между ног, и я

молилась, чтобы не стереть кожу до крови. Ноги утопали в мху, в корнях, в какой-то хвое, которая кололась, как тысячи иголок. Кощей не оборачивался. Шёл впереди, высокий, прямой, как копье. Плащ развевался на ветру — хотя ветра, кажется, не было. Сапоги ступали беззвучно. Он двигался так, будто лес расступался перед ним, и мне это не нравилось. Совсем. Так двигаются хищники, которые знают, что они на вершине пищевой цепочки. Тишина была гробовой. Только птицы — какие-то странные, с криками, которых я никогда не слышала. Только треск сучьев под моими босыми ногами. Только моё дыхание — прерывистое, испуганное, слишком громкое в этой древней тишине.

Я не выдержала первой.

— Слушай, — сказала я, стараясь говорить ровно, хотя зубы стучали от холода. — А правда, что Яга слепая?

Кощей не остановился. Не обернулся. Шёл дальше.

— Глаза у неё на месте, — бросил через плечо. — Жаль.

— Почему жаль?

— Потому что если бы она тебя увидела первой, я бы не мучился.

Я подавила желание послать его куда подальше. Пока рано. Сначала надо понять, где я, как отсюда выбраться и кто этот мужик с идеальной скулой и скудным чувством юмора.

— Ладно, — сказала я. — Другой вопрос. А правда, что избушка на курьих ножках — это гроб?

Кощей остановился. Я чуть не врезалась ему в спину — вовремя затормозила, босыми пальцами уткнувшись в корягу. Он медленно повернулся. Посмотрел на меня. В его глазах — холодных, бездонных — мелькнуло что-то. Удивление? Интерес? Раздражение? Я не поняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.